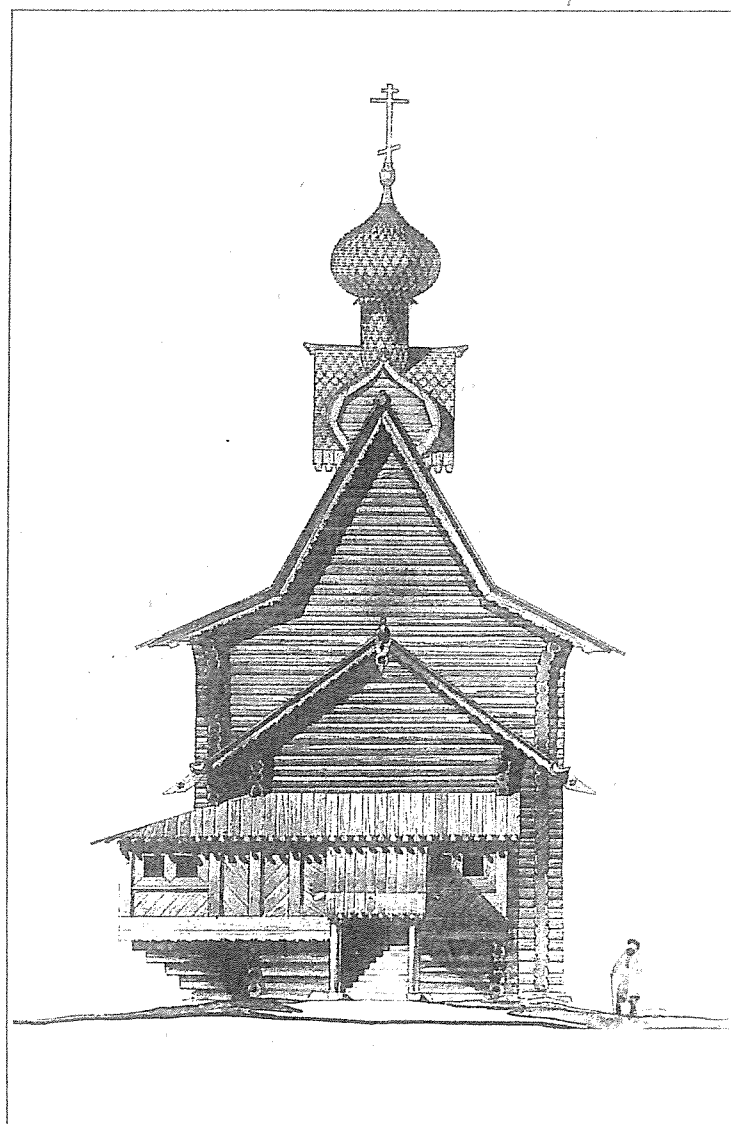

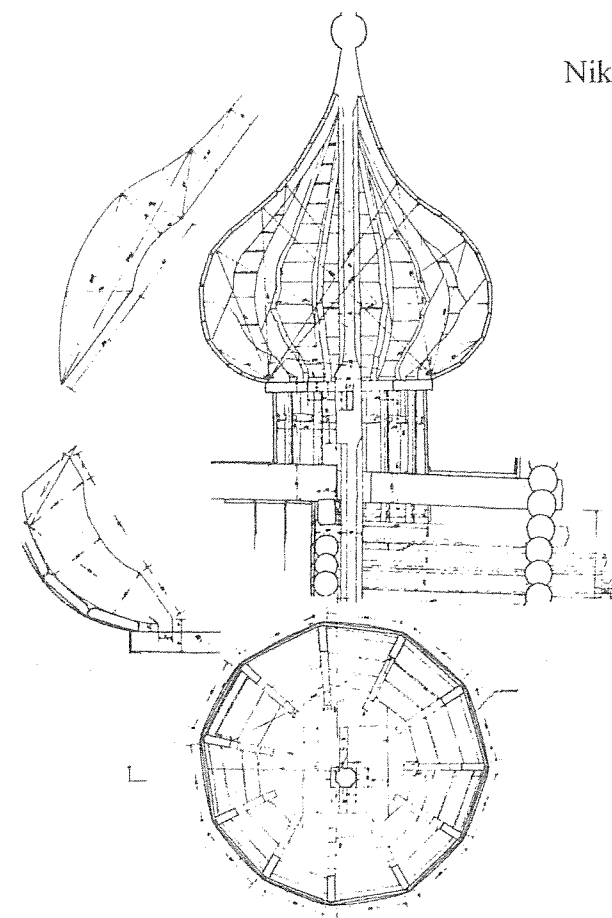
Борис Гнедовский

Памятники
деревянного зодчества России
в музеях под открытым небом
12 старейших музеев
народного зодчества и быта

A museum is
the ultimate authority
that exists to give life
instead of taking it
away.

Nikolay Fedorov, circa 1895

Boris Gnedovsky

Monuments of Wooden Architecture
in the Open Air Museums in Russia

The 12 Oldest Museums
of Vernacular Architecture
and Traditional Lifestyle

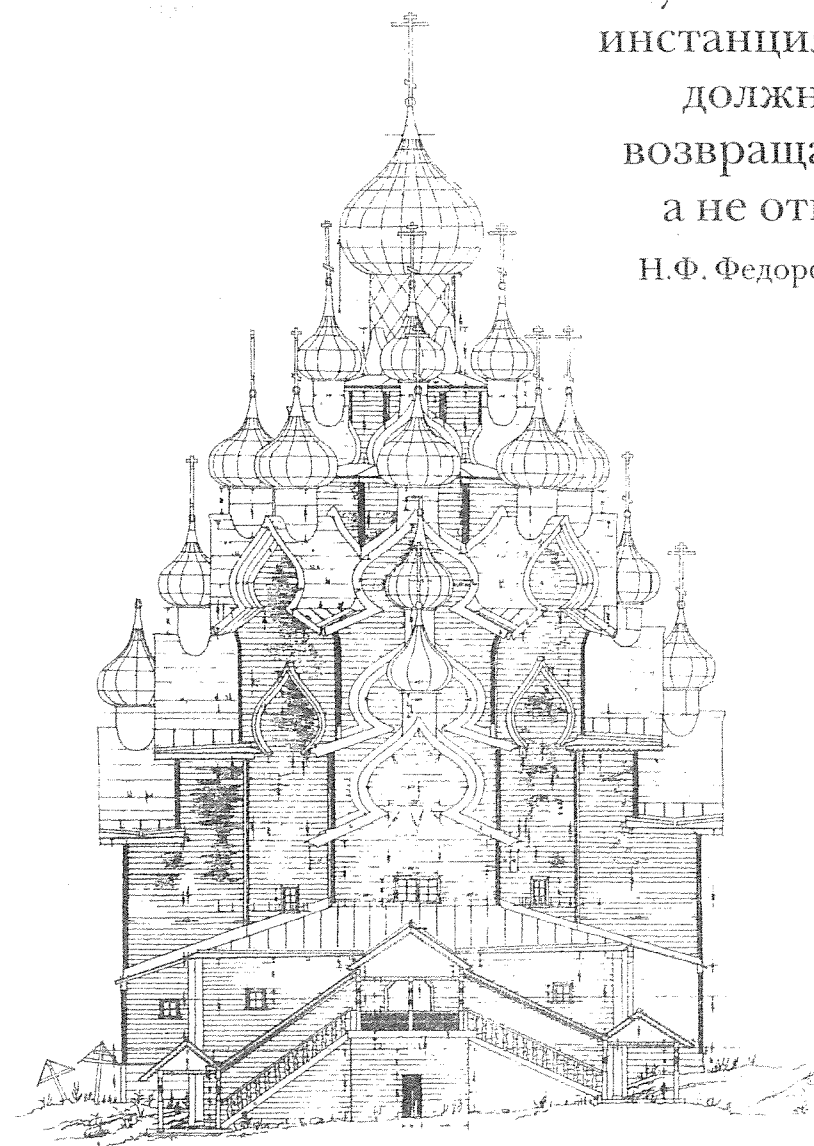
Moscow, 2002

Б.В. Гнедовский в Институте Спецпроектреставрация.
1980. Фото О.Г. Севан

Музей есть высшая
инстанция, которая
должна и может
возвращать жизнь,
а не отнимать ее.

Н.Ф. Федоров, около 1895 г.

Борис Гнедовский.

Памятники
деревянного зодчества России
в музеях под открытым небом
12 старейших музеев
народного зодчества и быта

Москва, 2002

Борис Васильевич Гнедовский. Памятники деревянного зодчества России в музеях под открытым небом. 12 старейших музеев народного зодчества и быта. – М., 2002.

ISBN 5-901683-15-8

Предисловие	Э.Д. Добровольская
Планы-схемы	А.В. Никитин А.Ю. Николаев
Редакторы	М.Б. Гнедовский В.А. Юматов
Макет	В.А. Юматов
Перевод	М.Б. Гнедовский

Boris Gnedovsky. Monuments of Wooden Architecture in the Open Air Museums in Russia: 12 Oldest Museums of Vernacular Architecture and Traditional Lifestyle. – Moscow, 2002.

Foreword:	E. Dobrovolskaya
Plans of Museums:	A. Nikitin A. Nikolayev
Editors:	E. Dobrovolskaya M. Gnedovsky V. Youmatov
Layout:	V. Youmatov

© Гнедовский Б.В. — текст, 1990

© Никитин А.В., Николаев А.Ю. — планы-схемы, 1990

© Добровольская Э.Д. — предисловие, составление, 2002

О книге и ее авторе

Во второй половине XX века в России сравнительно широкое распространение получили музеи, структурной основой которых являются памятники народного деревянного зодчества. История их формирования в Европе, а затем и в России, а также характеристика памятников зодчества в 12 старейших и наиболее популярных из них составляют содержание статьи, написанной Б.В. Гнедовским в середине 1980-х годов и 15 лет остававшейся неопубликованной. Но и сегодня рукопись не потеряла своего значения. Ибо ценность музеев, которым она посвящена, увеличивается по мере того, как убыстряется начавшийся в XX столетии необратимый процесс разрушения традиционной сельской застройки.

В этих музеях можно на время погрузиться в мир народной культуры, почувствовать мощное эмоциональное воздействие удивительных по красоте произведений плотников-зодчих прошлых веков. Первоначально статья предназначалась для широко иллюстрированного фотоальбома. В настоящем издании пришлось отказаться от предусмотренных автором фотографий: памятников в ландшафте, бытовых экспозиций и интерьеров храмов. Многим музеям посвящены красочные путеводители, буклеты, очерки в журналах, имеют они и свои странички в Интернете. Здесь же, в кратких авторских характеристиках с планами-схемами, фиксирующими наиболее выдающиеся архитектурно-художественные сооружения (выполненными молодыми реставраторами А. Никитиным и А. Николаевым в 1990 году), раскрывается комплексная картина сохраняемых в музеях памятников, позволяющая ориентироваться в самой сети старейших музеев и – в определенной степени – в региональных особенностях народного зодчества на огромных просторах России.

У истоков первых российских музеев под открытым небом стояли видные ученые П.Д. Барановский, И.В. Маковецкий, А.В. Ополовников, Е.А. Ащенко, А.П. Окладников. Но создавалось большинство из них по проектам и под руководством опытных архитекторов-реставраторов. Среди них одним из ведущих специалистов был Б.В. Гнедовский¹. Некоторые из его объектов исследования или практической реставрации вошли в состав первых отечественных музеев (Киж, Кострома, Пермь). Он консультировал технические вопросы перевозки срубных конструкций (Суздаль) и реставрацию деревянных построек в мемориальных комплексах (Красноярск, Пятигорск, Липецк, Самара и др.), участвовал в выборе участков под новые музеи (Пермь, Вятка). Словом, с его именем связана организация целого ряда музеев народной архитектуры. Но формирование двух наряду с Кижам наиболее полноценных экспозиций «архитектуры без архитектора» – Архангельского музея деревянного зодчества и музея-заповедника в Шушенском – шло под его непосредственным авторским руководством.

Первые отечественные музеи под открытым небом создавались в 1950-х – 1970-х годах, когда стал очевидным «уход в небытие» не только отдельных выдающихся сооружений из дерева, но и самих традиций древнего строительного мастерства. Тогда и возник вопрос, как музеефицировать деревянные постройки, не поддающиеся другим формам адаптации в современных условиях? Реставрировать ли их только на старых местах или возможна перевозка на новые территории? Старейшие российские музеи народного зодчества строились под громкий аккомпанемент ожес-

¹ Э.Д. Добровольская. Памятники народного деревянного зодчества в творчестве Бориса Гнедовского. 40 лет в реставрации. 1947–1988. – М., 2000.

точных споров сторонников и противников перевозки. В 1984 году, на излете этого противостояния Б.В.Гнедовский писал: «Сегодня ареал распространения и популярность музеев под открытым небом, создаваемых методом транслокации (перемещения, Э.Д.), настолько велики, что обсуждение темы их целесообразности по существу бесплодно». В тексте книги отчасти отражена эта полемика, имеющая теперь уже скорее исторический интерес.

Тогда же автором был составлен «Аннотированный перечень музеев под открытым небом РСФСР архитектурно-этнографического и историко-мемориального типов, созданных с помощью транслокации», где, помимо публикуемых здесь 12 старейших музеев, содержится характеристика еще 9, находившихся в те годы на стадии проектирования или начала строительства. В их числе: Музей соли в Соликамске, музей деревянного зодчества под Вологодой и вблизи Торжка (Тверская область), Новосибирский музей, музеи республик Коми и Мордовии, Музей культуры и быта народа саами в Мурманской области. Содержащиеся в Перечне сведения раскрывают огромные возможности их дальнейшего развития.

Однако организация подобных музеев требует больших материальных затрат. Особенно сложными были для них 90-е годы XX века – время перестройки экономики страны, когда они оказались на грани выживания. Некоторые остались лишь в проектах, другие замедлили свое развитие. Но старейшие российские музеи и в этих условиях совершенствовали свою деятельность, а в ряде случаев даже пополняли экспозиции но-

выми памятниками зодчества. В частности, продолжает строиться Иркутский архитектурно-этнографический музей «Тальцы»².

Создаются и новые музеи. Из них самым интересным стал, пожалуй, музей под открытым небом в поселке Варьеган Ханты-Мансийского автономного округа, значительно расширивший тему культуры народов России.

С момента первой перевозки в нашей стране срубного сооружения на музейную территорию прошло 75 лет (1927, Коломенское) и 50 лет – с начала формирования экспозиции под открытым небом самого популярного у нас и за рубежом музея народного зодчества (1951, Кижин). Конечно, к началу XXI века неузнаваемо изменилось общее культурное пространство России. Открываются новые ценности, достойные внимания общества. И все же дальнейшее развитие музеев народного зодчества на новом этапе самих принципов их формирования, на что обращал внимание и автор книги, остается одной из актуальных задач современного музейного строительства.

Именно с музеями в значительной степени связана судьба той части исторического наследия, – памятников народной архитектуры, – без реального существования которой невозможно представить себе полноценный облик страны, имеющей более чем тысячелетнюю историю культуры, и тем более нельзя по достоинству оценить вклад России в мировую сокровищницу архитектуры.

Публикация рукописи Б.В.Гнедовского – своего рода напоминание об этой важной проблеме наших дней.

Э.Д.Добровольская

² Благодарю И.Н. Шургина за фотографии и новые сведения об Иркутском музее.

СТАРЕЙШИЕ РОССИЙСКИЕ МУЗЕИ НАРОДНОГО ЗОДЧЕСТВА И БЫТА

I. МОСКВА	V. КОСТРОМА	IX. ИРКУТСК
II. КИЖИ	VI. НИЖНИЙ НОВГОРОД	X. УЛАН-УДЭ
III. АРХАНГЕЛЬСК	VII. СУЗДАЛЬ	XI. БРАТСК
IV. ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД	VIII. ПЕРМЬ	XII. ШУШЕНСКОЕ

I. MOSCOW	V. KOSTROMA	IX. IRKUTSK
II. KIZHI	VI. NIZHNI NOVGOROD	X. ULAN-UDE
III. ARKHANGELSK	VII. SUZDAL	XI. BRATSK
IV. NOVGOROD THE GREAT	VIII. PERM	XII. SHOUSHENSKOYE

THE OLDEST RUSSIAN OPEN AIR MUSEUMS OF VERNACULAR ARCHITECTURE AND TRADITIONAL LIFESTYLE

В таких музеях... не может появиться утомления и скуки, не может и возникнуть впечатления музейной темницы, заключающей в себе множество оторванных от жизни, точно омертвевших предметов. Здесь жизнь и театральное действо, создание творческого духа и действительность, человек и природа, поучение и отдых так тесно связаны между собой, что грань, разделяющая эти понятия, теряет всякую определенность и значение.

Н.И. Романов, 1919

МУЗЕИ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Музеи под открытым небом стали одним из ярких и теперь уже привычных явлений современной мировой культуры. Возникшие свыше ста лет назад в Швеции и Норвегии, они широко распространились в первой половине XX столетия в странах Европы, а после Второй мировой войны и на других континентах, постепенно приобретая все более разнообразный характер. Сегодня во всем мире насчитываются уже сотни подобных музеев и число их продолжает расти.

Эта книга посвящена музеям под открытым небом Российской Федерации. Обращение к такой теме закономерно. Сама идея подобных музеев теснейшим образом связана с особенностями конкретной культуры, развивавшейся в определенных историко-географических условиях. Их облик и структура неотделимы от российского ландшафта, как неотделимы от него памятники народного зодчества, спасение которых и явилось главным мотивом их создания.

Большинство известных ныне музеев этого типа возникли в 1960-1970 годы, в период, часто именуемой «музейным взрывом». Вызвавшая их к жизни мощная волна музейного строительства была

обусловлена не просто всеобщим интересом к музеям, но в первую очередь тревогой мировой общественности за судьбу памятников народной культуры, которым под натиском урбанизации и научно-технического прогресса грозило повсеместное стремительное уничтожение. Международные организации, занимающиеся под эгидой ЮНЕСКО проблемами музеев и охраны памятников (ИКОМ и ИКОМОС), признали музеи под открытым небом одной из наиболее действенных форм спасения скромных произведений безвестных народных мастеров, которые с 1964 года были «уравнены в правах» с произведениями «большой» архитектуры.

Что же такое музеи под открытым небом? Вынужденная мера, порожденная угрозой потери значительной части культурного наследия, или явление живой, сегодняшней культуры? Ностальгия или естественное желание знать свое прошлое, без которого, как известно, не может быть полноценного будущего? Быть может, это первый конкретный шаг на пути создания экологических парков?

Как бы то ни было, музеи под открытым небом развиваются во всем мире сегодня чрезвычайно интенсивно. И, как показывают обстоятельства этого развития, в будущем им уготована немалая роль.

Это музеи по преимуществу сельские, создаваемые на основе произведений традиционного крестьянского быта и зодчества, которые у всех народов представляют наиболее архаичные пласты культуры. Это музеи народные – не только по своему содержанию, но и по той популярности, которой они неизменно пользуются. Наконец, это синтетические музеи, не разрывающие культуру на отдельные элементы, а напротив, стремящиеся погрузить всякую вещь или постройку в издревле свойственный ей контекст.

В музеях этого типа как бы изначально заложен принцип развития. Они открыты в пространстве и открыты по содержанию. Поэтому так широк круг специалистов, участвующих в их создании: архитекторы, этнографы, искусствоведы, историки, краеведы, музейные ра-

Ветряная мельница-столбовка из деревни Волкостров. 1928. Музей-заповедник «Кижи»

ботники. По существу, каждый подобный музей, особенно крупный, – результат творчества больших многопрофильных коллективов. При этом профессиональная деятельность нередко сочетается здесь с общественной, а традиционные формы музейной работы – с живым культурным общением, где зачастую теряется грань между участниками и зрителями.

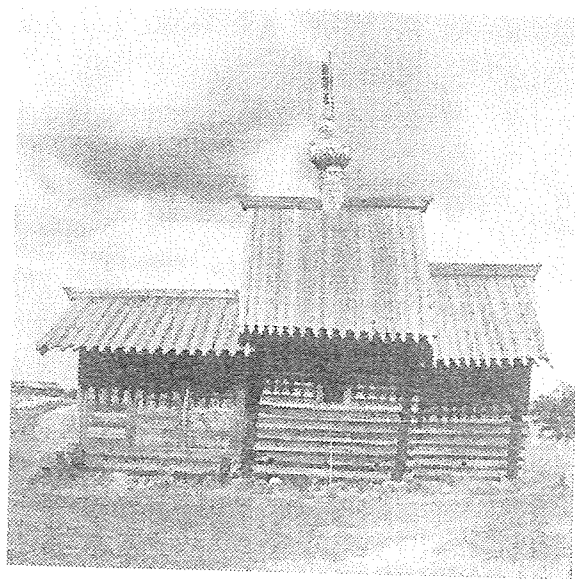
И все же главной задачей музеев под открытым небом, определяющей их отличительные особенности, является сохранение и демонстрация в естественном, природном окружении произведе-

ний народного зодчества. Именно о подобных памятниках великий зодчий современности Ле Корбюзье сказал, что, отобранные временем, они обладают постоянными человеческими ценностями. Архитектура в таких музеях становится ключевым, структурообразующим элементом. Традиционная постройка, стоящая под открытым небом, будь то церковь, крестьянский дом или колодец, являет собой живое равновесие начала природного и начала культурного, человеческого. Это – указание «места человека во вселенной», выработанное веками в данной культуре, по отношению к данному ландшафту. Это – миропонимание, созвучное новейшим культурно-экологическим концепциям, но выраженное в непосредственной, зримой форме традицией народного зодчества. И это – основное переживание, выносимое посетителем музея под открытым небом; переживание, под воздействием которого он будет воспринимать и сведения по истории и этнографии, и памятники фольклора и народного искусства, и любые туристические впечатления. Поэтому народному зодчеству, принципам его демонстрации уделено в книге наибольшее внимание.

Интерес к сельскому зодчеству возник в Европе задолго до того, как в конце XIX века появились первые музеи под открытым небом. Во второй половине XVIII века под влиянием концепций Жан-Жака Руссо распространилась мода возводить в дворцовых парках павильоны, имитирующие постройки «в сельском духе». В России такие сооружения появились в парках Павловска и Гатчины. Это был, наверное, первый опыт демонстрации «народной архитектуры» на открытом воздухе.

Приблизительно в то же время сельские сооружения оказались в кругу научно-практических интересов. В 1770 году в Санкт-Петербурге при Вольном эконо-

мическом обществе была организована «модель-камера», где хранились, а с 1802 года были выставлены для всеобщего обозрения многочисленные модели сельских производственных сооружений: мельниц, овинов, риг, амбаров и т.д. Эта коллекция, периодически пополнявшаяся новыми моделями, которые корреспонденты Общества присылали со всех концов России, просуществовала до середины XIX века. Аналогичные собрания моделей имелись при Сельскохозяйственных обществах Москвы, Ярослав-

Церковь Воскрешения Лазаря
Муромского монастыря. XV в.
Музей-заповедник «Кижь»

ля, Казани, других городов. Были такие модели и среди экспонатов Петербургского сельскохозяйственного музея, организованного в начале 60-х годов XIX века. Если бы эти коллекции дошли до наших дней, они имели бы немалую музейную ценность, однако в то время создание их связывалось лишь с чисто практическими задачами. Они должны были прежде всего служить для пропаганды экономических знаний.

Идея музеефикации произведений народного зодчества и быта зародилась в этнографической науке. Еще в конце 40-х годов XIX века видный русский эт-

нограф К.М.Бэр говорил о необходимости музея, «который мог бы дать наглядное понятие об обстановке народной жизни, недостижимое простым описанием». Важнейшей вехой на пути создания такого музея стала Всероссийская этнографическая выставка, проходившая в 1867 году в Москве. Экспонаты группировались в ней по регионам, а внутри регионов – по этническим признакам. Такой принцип, использованный тогда впервые, впоследствии стал широко применяться при создании музеев под открытым небом. Материалы, собранные для выставки, легли в основу нового Дашковского музея, вошедшего в состав московского Румянцевского музея. В нем имелся отдел моделей жилищ народов России, насчитывавший около 80 образцов. Подобные модели существовали на рубеже XIX – XX веков и в некоторых местных музеях, например, в Архангельске. К тому времени задачи изучения народного жилища уже прочно вошли в круг интересов этнографов.

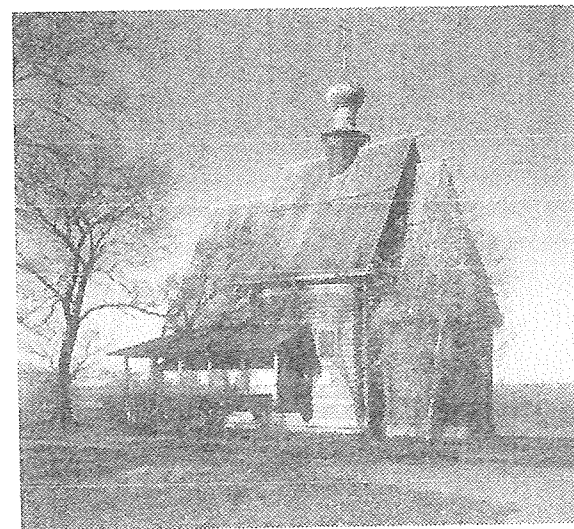
В дальнейшем наряду с научной ценностью в произведениях народного зодчества стали различать также ценность художественную, открывая ее не только в храмах, но и в утилитарных сооружениях. В 1910 году на IV съезде русских зодчих прозвучал восторженный голос Д.В.Милеева, выразившего мнение целой плеяды выдающихся художников, архитекторов, искусствоведов: «Трудно себе представить, не видев, уютную прелесть старинной крестьянской избы русского Севера. Как все здесь цельно, просто, лишено вычурности, как все высокохудожественно и стильно красиво». Примечательно, что традиции народного строительного искусства были в этот период еще живы, но уже складывалось отношение к сельским постройкам как к памятникам культуры.

Начиная с 60-х годов XIX века чутким «барометром» повышения широкого общественного внимания к народной куль-

туре и зодчеству стали международные выставки. В 1867 году в Париже и 1873 году в Вене впервые крестьянские дома демонстрировались в виде своеобразной «этнографической деревни», где наряду с копиями имелись и подлинные постройки, привезенные из разных стран, в том числе из России. Позднее, на выставках в Париже, Амстердаме, Праге, Будапеште и других приемы показа народного жилища развивались: появились трехстенные композиции интерьеров, дома, наполненные утварью и «населенные» манекенами в народной одежде или живыми людьми, которые демонстрировали различные промыслы. Такие экспозиции постоянно включались в международные европейские, а затем и всемирные выставки конца XIX – первой половины XX веков, хотя постепенно в них стали преобладать экзотические сюжеты, воспроизводившие жизнь аборигенов Океании, Латинской Америки и т.д. В истории дореволюционной России известно несколько небольших экспозиций народного жилища. Так, еще в 1880-х годах в старейшем сибирском музее Минусинска была создана «хакасская юрта», в 1896 году к X археологическому съезду, проходившему в Риге, были выстроены четыре крестьянских дома.

В Европе одним из первых опытов перемещения старых подлинных деревянных сооружений с целью их охраны и музеефикации была перевозка на остров Бигдой под Осло гарнизонной церкви и нескольких крестьянских домов, осуществленная в 1881–1888 годах по проекту норвежского антиквара Николауза. Тогда была заложена основа первого в Норвегии музея под открытым небом. Но наиболее полно и последовательно воплотил в жизнь идею создания такого музея шведский этнолог Артур Хазелиус, открывший в октябре 1891 года на острове Дьюргарден близ Стокгольма новый музей Скансен. Здесь были собраны десятки старинных хра-

мов и жилых домов из различных регионов страны, демонстрирующие разнообразие и богатство ее народной культуры: зодчества, художественных ремесел, промыслов. Это был музей принципиально нового типа, давший имя многим другим подобным музеям, – в международной литературе музеи под открытым небом, где сооружения свезены на новую территорию, часто называют «скансена-

Никольская церковь села Глотова. 1766.
Музей в Суздале

ми», а изучающую их отрасль музееведения – «скансенологией».

Новаторские идеи А.Хазелиуса быстро захватили северные страны Европы. В ближайшие годы создаются музеи под открытым небом в Норвегии (Осло-Бигдой, 1894-1902; Лиллехаммер, 1904), Дании (Лингби, 1897-1901; Орхуз, 1914), Финляндии (Сеурсаари, 1909-1913; Турку, 1906), Голландии (Арнем, 1912-1918). В 1920-1930-е годы такие музеи становятся все более разнообразными и распространяются в странах Центральной и Восточной Европы: в Румынии, Чехословакии, Германии и других.

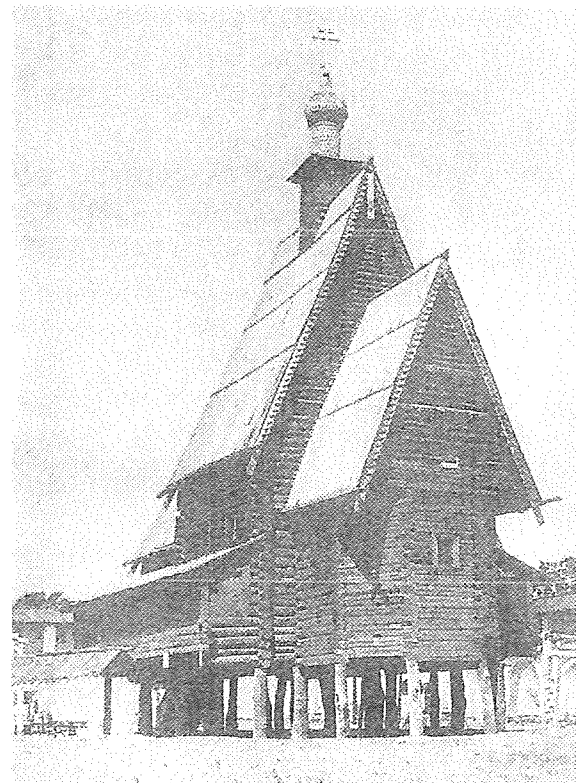
В нашей стране развернутую программу строительства музеев под открытым небом сформулировал один из основоположников отечественного музееведения,

хранитель Румянцевского музея Н.И. Романов. В книге «Как устраивать местные музеи», изданной в 1919 году, он приводит удивительно яркое и живое описание Скансена, который, по его мнению, мог бы послужить образцом для создания подобных музеев в России. «Скансен это сад, устроенный на многих десятинах... в красивой и разнообразной местности, напоминающей... в малом виде природу самой Швеции... В саду разбросаны там и сям старые дома, колокольни, старинные крестьянские дворы и юрты, в которых все снаружи и внутри устроено, обставлено и убрано так же, как в жилищах различных областей и племен Швеции. Чтобы каждый дом казался именно жильем, а не застывшею музейною редкостью, он окружен растениями и животными..., а в домах работают надсмотрщицы и сторожа сада в крестьянских национальных костюмах той местности, к которой имеет отношение тот или другой дом, и занимаются обычными в этой местности работами: различными видами ремесел и рукоделий... Время от времени в Скансене устраиваются празднества, участники которых в национальных костюмах исполняют народные танцы, мелодии и песни и изображают, как в театре, народные обряды, обычаи, старинные народные игры... Так обыкновенный сад для народного гуляния получает совсем иной характер и превращается в живую, осмысленную и широкую картину родной страны».

Здесь образ сада, почти Эдема, так же как и явно слышимая интонация классических литературных утопий, неслучайны. В России настало время крупномасштабных проектов, в их числе были и идеальные города-сады будущего. Перед нами, очевидно, один из таких проектов, стилизованный под путевые заметки. Но реализация подобной идеи растянулась на несколько десятилетий.

Впервые в России сооружения, представляющие архитектуру жилища раз-

личных народов, были собраны в экспозиции под открытым небом в 1923 году в Москве на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, развернутой на берегу Москвы-реки, на месте Центрального парка культуры и отдыха им. Горького. В разделе «Старая деревня» плотники из девя-

Церковь Спаса-Преображения села Вези. XVII в., 1713. Музей в Костроме

ти губерний срубили характерные для своих мест крестьянские усадьбы, а рядом, в отделе народного быта, были показаны русская курная изба, бревенчатые и войлочные юрты бурят, ненецкие чумы, чукотская яранга, жилище хакаса, чувашская усадьба и пр. В интерьерах находились подлинные образцы традиционной домашней утвари, мастера в национальных костюмах демонстрировали народные промыслы. Все это создавало красочную картину, передававшую многообразие культурных традиций народов, вошедших в состав молодого советского государства.

Самый ранний опыт перевозки подлинных деревянных сооружений с целью их музеефикации в Российской Федерации относится к 1927–1934 годам, когда в парке музея-усадьбы Коломенское были размещены памятники XVII–начала XVIII веков. Вслед за этим, в 1935–1938 годах возник проект создания вблизи Коломенского огромного «Музейного городка архитектуры народов СССР» (по одному из вариантов – на площади 200 га, под другому – 500 га, по обоим берегам Москвы-реки). Но к его осуществлению так и не приступили; позже стала меняться сама концепция формирования подобного рода музеев.

После Великой Отечественной войны в СССР развернулось широкое строительство музеев под открытым небом в республиках Прибалтики, на Украине, в Российской Федерации, Грузии. Постепенно опыт показал, что и с практической, и с общекультурной точек зрения в тех случаях, когда памятники невозможно сохранять непосредственно на их первоначальных местах, наиболее целесообразно размещать их по крайней мере в близких природно-ландшафтных условиях (напомним, что и замысел Н.И. Романова относился прежде всего к созданию местных музеев). Взамен проекта единого центрального музея под открытым небом постепенно развилась идея организации сети региональных музеев, которая и определяет сегодня картину их расположения в Российской Федерации.

Первым, практически с 1951 года, стал формироваться музей на острове Кижи в Карелии. Вскоре музеи народного зодчества и быта были основаны в Костроме, Суздале, Новгороде, затем в Архангельске, Улан-Удэ, Нижнем Новгороде, немного позже в республиках Поволжья, Тверской и Свердловской областях, Якутии; на рубеже 1970–1980-х годов открылись музеи в Пермской и Иркутской областях и самый восточный в

нашей стране в селе Мильково на Камчатке. Намечается организация новых музеев на Вятке, в Томске, в республике Коми. Представительными обещают стать музеи под Вологодой и в Новосибирском Академгородке на Оби, который начал создаваться в 1970 году. Уже сотни произведений народных зодчих получили в музеях вторую жизнь.

Широкое распространение музеев под открытым небом в Российской Федерации объясняется не только колоссальными размерами республики, раскинувшейся от берегов Балтики до Тихого океана и от Заполярья до предгорий Кавказа. На этой территории в различных исторических, социально-экономических и природно-климатических усло-

Успенская церковь села Курицко. 1595. Новгородский музей «Витославлицы»

виях веками складывались бесчисленные ветви многонациональной культуры России. Среди них русская народная культура, в частности, зодчество, отмечено поистине уникальной жизнестойкостью и способностью к развитию, как внутреннему, так и на основе взаимодействия с культурами сопредельных народов. В рамках единой архитектурно-художественной традиции возникали на

разных этапах многообразные региональные ответвления – варианты планировочных, структурных, декоративных решений. Многие из них дошли до нас в облике теперь редких памятников, сохраняемых только в музеях под открытым небом. Создание и деятельность

Церковь Рождества Богородицы села Передки. 1531. 1699. Новгородский музей «Витославицы»

этих музеев сопровождается открытием все новых, ранее неведомых местных особенностей, обогащающих наши представления о народном зодчестве и о традиционной культуре в целом.

Со времен глубокой древности русское народное зодчество было частью «цивилизации дерева», которая носила поистине всеобъемлющий характер. Из дерева изготавливали орудия труда, средства передвижения – телеги, сани, речные и морские суда, лыжи; охотничью и рыболовную снасть, мебель и посуду; из дерева вырезали изваяния богов; на бересте писали грамоты. Но главной областью применения дерева на Руси в течение

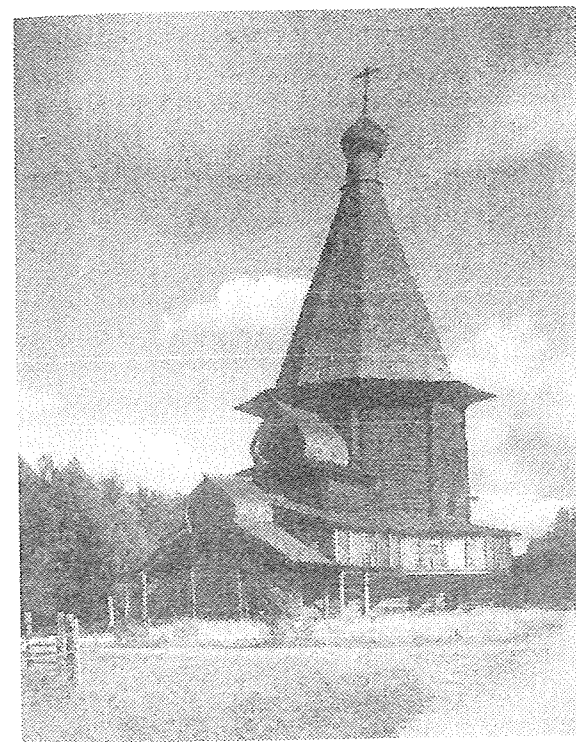
многих веков оставалось зодчество. До нас не дошли его древнейшие образцы, известные лишь по археологическим раскопкам, изустным преданиям, летописным рассказам и изображениям. Самые древние из сохранившихся памятников – храмы, которые живут дольше, чем жилые и хозяйственные постройки. Но и их возраст не превышает 400 – 500 лет. Их можно увидеть главным образом в музеях северных районов России.

Органический и жизнотворный характер народного зодчества во многом объясняется изначальным единством заказчика, зодчего и исполнителя. Строителями большинства сельских сооружений были сами крестьяне. Наиболее сложные и важные постройки, такие как крепости или крупные общинные храмы, возводили те же выходцы из крестьянской (позднее – и из посадской) среды, освоившие традиции плотницкого мастерства, передававшиеся из поколения в поколение. Мастерство это очень ценилось.

Русские плотники хорошо знали конструктивные, технологические и эстетические свойства различных пород дерева. Их изобретением был, например, лемех – кровельная чешуя из осиновых пластин, обладавших особой долговечностью и великолепными декоративными качествами. Подобно создателям произведений классической архитектуры, они разрабатывали свою систему «оптических поправок»: это и легкая кривизна или ступенчатость высоких кровельных скатов, лишаящие силуэт здания излишней жесткости; и округлая отеска внутренних граней проемов, придающая им пластичность; и чуть вспарушенный потолок, создающий иллюзию большей высоты помещения.

В основу всех деревянных построек положен единый модуль – прямоугольный или многоугольный в плане бревенчатый сруб. Его размеры ограничены

длиной бревна, которая измерялась различной для каждого региона и времени линейной мерой (простая сажень, маховая сажень, косая сажень и др.). Сруб определял планировку любой постройки, от простых однокамерных домов и амбаров до сложнейших храмов и двор-

Георгиевская церковь села Вершина. 1672. Архангельский музей «Малые Корелы»

цов, строившихся с применением смежных разновеликих срубов.

Наиболее распространенными были двускатные кровли. Известным с глубокой древности изобретением была несложная в исполнении и предельно рациональная система бесстропильного покрытия, органически связанного со срубной конструкцией стен. Поперечные стены вверху переходят в бревенчатые фронтоны – щипцы (самцы), соединенные между собой тонкими продольными бревнами – слегами. На них кладется в два слоя тес с прокладкой из бересты. Верхние концы теса прижимаются к верхней слеге бревном – охлупнем (шеломом), скрепленным с нею клинью-

ми (стамиками), а нижние концы упираются в массивные желоба (потоки), лежащие на крючьях – курицах (корневищах молодых деревьев, обтесанных в виде птичьих или звериных голов).

Снаибольшей полнотой художественное совершенство русского народного зодчества запечатлено в облике древних храмов, который определяется главным образом характером их завершения. Уже в простейших клетских церквях и часовнях, ближе всего стоящих к гражданским постройкам, развитие двускатной кровли шло по пути достижения максимальной выразительности силуэта. Повышая в пределах технических возможностей конек, зодчие придавали кровле то клинчатые, то ступенчатые очертания. Разнообразные вариации этого приема представлены сегодня многими памятниками в музеях в Кижах, Новгороде, Суздале, Перми. Высшей точкой развития клинчатой формы завершения является Спасо-Преображенская церковь из села Вежи в Костромском музее.

Нередко бревенчатые фронтоны двускатных кровель получали криволинейные, округлые очертания, образуя покрытия, которые издавна назывались «бочками». Великолепная бочка венчает скромную часовню из Илимска в музее Иркутской области. Кресчатая бочка украшает крутые скаты церкви села Янидор в музее Пермской области. Пирамидально расположенные бочки являются важнейшей составляющей композиции Спасо-Преображенской церкви Кижского ансамбля.

Шатровые завершения храмов, когда широко распространенные на Руси, сохранились главным образом в северных регионах. Сложившиеся в эпоху борьбы за независимость и объединение Руси, близкие по своему облику крепостным башням, шатровые храмы ассоциировались в народном сознании с идеей государственности, верой в силу русско-

го воинства. Несмотря на официальный запрет, наложенный на их строительство во второй половине XVII века, шатровые храмы еще долгое время возводились в крестьянских общинах Севера, откуда перекочевали в Сибирь. Их прекрасные образцы украшают экспозиции музеев Архангельска и Новгорода. Редчайшим подлинником, буквально чудом сохранившимся в нетронутом виде в течение почти трех веков, является Спаская церковь из Зашиверска, перевезенная с берегов реки Индигирки на терри-

Вознесенская церковь (1669) и колокольня (XIX в.) села Кушерека. Архангельский музей «Малые Корелы»

торию музея под Новосибирском. Ее художественная ценность дополняется очень важным обстоятельством: первоначальные архитектурные детали 1700 года документально подтверждают обоснованность и правомерность применения аналогичных форм при современной реставрации деревянных древнерусских сооружений.

С течением времени объемная структура храмов усложнялась. В музеях цен-

тральных областей в Нижнем Новгороде, Костроме, Суздале, в Тверской области и др. высятся ярусные храмы, которые появляются в России во второй половине XVII века. Приблизительно в то же время возникают кубоватые венчания, примером которых может служить пятиглавая Вознесенская церковь села Кушерека в Архангельском музее. В усложненных, порою вычурных силуэтах храмов XVII – XVIII веков сказалось влияние образцов каменной архитектуры эпохи барокко. Апофеозом мастерства древних зодчих, наиболее совершенным образцом многоярусного многоглавого храма стала знаменитая Спасо-Преображенская церковь в Кижях.

Интересные страницы русского народного зодчества составляют памятники оборонной и промышленной архитектуры. Деревянные крепости, давно потерявшие практическое значение в Центральной России, в XVII и даже в XVIII веках еще строились в Сибири. Здесь и сохранились бревенчатые башни острогов, стоящие сегодня в музеях Иркутской области, у стен Якутского краеведческого музея, в музее Мильково на Камчатке. Одна из башен Братского острога перевезена в музей-усадьбу Коломенское. Обнаруженные в глухих болотах тюменского Васюганья остатки Юильского острога включены в состав Новосибирского музея. К сожалению, об известных по документам с XIV века «осадных городках» в Предуралье в наши дни напоминают лишь поздняя копия башни из села Торговище в музее под Пермью и заводская башня в музее села Нижняя Синячиха Свердловской области. В двух музеях Пермской области представлены уникальные сооружения солеваренного завода – образцы промышленной архитектуры, сохранившие традиционные формы деревянной промысловой архитектуры древней Руси.

Но основу большинства музеев под открытым небом составляют традицион-

ные жилые и хозяйственные постройки. Дошедшие до нас сооружения созданы главным образом не ранее XIX века, лишь отдельные памятники имеют более древнее происхождение. Основной ячейкой, определявшей структуру и облик сельских поселений России, была крестьянская усадьба. К XVIII – XIX векам сложилось несколько типов планировочного и пространственного решения усадьбы, каждый из которых имел в свою очередь множество местных вариантов. Некоторые из них известны се-

Часовня Казанской иконы Божьей Матери из Илимска. Вторая половина XVII в. Иркутский музей «Тальцы»

годня лишь по документальным источникам, другие сохранились фрагментарно. Тем ценнее те редкие образцы, которые удалось собрать и сохранить в музеях.

Русский Север – родина громадных, похожих на дворцы бревенчатых крестьянских домов, объединивших под одной крышей жилые и хозяйственные помещения, в том числе скотный двор. Местные варианты этих сложных, тщательно продуманных комплексов пред-

ставлены в музеях под открытым небом северных областей. В Центральной России и в Сибири крестьянские усадьбы строились по иным принципам. Здесь был распространен главным образом замкнутый крестьянский двор, образованный домом и многочисленными хозяйственными постройками. Многообразные варианты такой организации усадьбы можно увидеть в музеях соответствующих регионов. Доминантой крестьянской усадьбы всегда было отапливаемое жилое помещение – изба. Конструкция срубных построек позволяет выявить на фасадах расположение помещений, стены которых видны по вертикальным рядам торцов бревен. Поэтому избы обычно классифицируются как «четырёхстенки», «пятистенки», «шестистенки», «крестовые». Как и в лучших образцах профессиональной архитектуры, их конструкция не маскируется, частично подвергаясь лишь декоративной обработке. Наружная поверхность бревенчатого сруба избы служит выигранным фоном для резных деталей, выполняющих не только декоративную, но и функциональную роль. Оконные наличники, причелины, полотенца предохраняют сруб от влаги. Резьба конструктивных элементов: охлупня и клиньев-стамиков, концов водосливных желобов (потоков) и крючьев (куриц) способствует быстрому удалению влаги с их поверхности. Высокие ажурные дымники усиливают тягу в дымоходах.

Традиционное в своей основе русское народное зодчество вместе с тем непрерывно развивалось, накапливая опыт поколений, впитывая новые веяния, взаимодействуя со строительными традициями других народов. Когда в XIX веке усилились контакты села и города, а в руках народных мастеров появились новые материалы и орудия труда, заметно изменилась архитектура сельского жилого дома. Важнейшая перемена, затронувшая прежде всего зодчество цент-

ральных регионов, была связана с применением легкой стропильной конструкции, вытеснившей древние самцовые кровли. В результате возникла принципиально иная композиция фасада дома, в которой бревенчатая стена отчетливо противопоставлена дощатому фронтому. Этот новый тип избы достиг наивысшего художественного уровня в Нижегородском Поволжье. Образцы нижегородского жилого дома XIX – начала XX веков, представляющие одну из ярких страниц истории русского народного зодчества на позднем этапе его развития, демонстрируются в музеях Нижнего Новгорода, Костромы, Суздаля.

В отличие от общей конструкции крестьянского дома, интерьер его жилой части за последние два – три столетия почти не меняется. Перед человеком, переступающим порог русской избы, открывается огромный пласт традиционной культуры. Обстановка здесь сколь проста, столь же и функциональна. По периметру бревенчатых, до блеска остроганных стен выстроены широкие лавки. В переднем, «красном» углу стоит большой обеденный стол, над ним – божница. Тесовая перегородка или занавеска отделяет парадную часть избы от хозяйственной – «бабьего кута». Главное место занимает огромная печь – основа всей крестьянской жизни. Наиболее древний вариант – глинобитная печь, деревянные конструкции которой украшены резьбой, а иногда расцвечены.

Еще не так давно множество изб в России топились «по-черному»: дым, стелившийся по помещению, выходил через волоковые окна или в щель над дверью в дощатый короб-дымник. Но сегодня такие черные или курные избы можно встретить лишь в музеях под открытым небом. Самые интересные их образцы находятся в Архангельском музее. Конструктивные отзвуки курной избы встречаются и в сравнительно поздних постройках, никогда не топившихся по-

черному, например, в триаде окон на фасаде, где центральное, «красное» окно фланкируют два малых, имитирующих древние волоковые.

Этнографы и краеведы помогают музейным работникам наполнять крестьянские дома подлинными вещами, по-

Дом Пухова из каргопольской деревни Большой Халуи. Фрагмент фасада. XIX в. Архангельский музей «Малые Корелы»

добными тем, что некогда окружали живших в них людей. Стоят на печи и на полках глиняные горшки, берестяные туеса, деревянные солоницы, плетеные короба. На добела вымытом полу раскинуты цветастые лоскутные дорожки. Рядом с прялкой лежит кудель, висит люлька-зыбка, стоят вырезанные хозяином игрушки. В темноватых тесных помещениях за сеньями – сундуки с одеждой, рабочий сезонный инвентарь, бочки, коромысла. Дальше, на хозяйственном дворе, места для повозок, помещения для скотины, сеновал. Для каждого региона – свой порядок, привычное расположе-

ние помещений и вещей, имеющих устойчививые местные формы.

Картина крестьянской жизни будет неполной, если не упомянуть многочисленные хозяйственные постройки общинного пользования, входившие в ансамбли сел и деревень. Это ветряные и водяные мельницы, срубные и ствольные колодцы, снабженные то стройным «журавлем», то огромным «ступальным» колесом, амбары, овины, риги, кузни и кожевни, пожарки, мосты, вешала для

Жилой дом из мезенской деревни Елкино. XIX в. Архангельский музей «Малые Корелы»

сушки снастей и урожая, изгороди, межевые знаки, сезонные постройки, такие как охотничьи зимовья или летние пристанища на период сенокоса. Без них исторический сельский ландшафт оказывается недостоверным, хотя именно эти сооружения меньше всего пощадило время и их воссоздание требует особого внимания при организации многих музеев под открытым небом.

Скромные избы и большие усадьбы, общинные хозяйственные сооружения, миниатюрные часовни и величественные храмы оживляют, одухотворяют ландшафт, обогащают его своими силуэтами. Да и сами они как бы часть природы: сухое, звенящее бревно, которое

вчера было деревом, завтра станет домом. Воскрешая памятники прошлого, отдаленного от нас всего на два – три поколения, музеи под открытым небом дарят нам их как факты живой, сегодняшней культуры.

Но можно ли говорить о естественном окружении, о гармонии ландшафта и архитектуры, если для музеефикации мы перевозим памятник с одного места на другое? Не будет ли воссозданный

таким методом мир традиционной культуры заведомо искусственным? С тех пор как более столетия назад возник Скansen, целиком состоящий из перевезенных построек, вопросы эти являются предметом постоянных дискуссий.

Без сомнения, сохраняя памятник там, где он был поставлен

своими создателями, мы застрахованы от многих несообразностей, которые могут возникнуть в результате его перевозки. Однако что делать, если меняется сам окружающий его ландшафт и на месте сельской идиллии вдруг вырастет индустриальный пейзаж? Если памятник оказывается вблизи крупной стройки или в зоне затопления гидроэлектростанции? С другой стороны, как быть, когда пустеют села и на десятки километров вокруг не оказывается не то что музея или реставрационной службы, а просто живой души, которая могла бы по-хозяйски позаботиться о памятнике? Такие ситуации еще недавно были весьма типичными. «Как бы ни велика и тяжела

была потеря подлинной среды памятника, она никогда не может быть больше потери самого памятника», – заметил в 1968 году основатель Кижского музея А.В.Ополовников, вполне отдававший себе отчет о сложности этой проблемы.

В этой связи необходимо отметить, что музей в Кижях основан на сочетании двух принципов: свозимые сооружения группируются вокруг ядра, образуемого сохранившимися на своих местах памят-

Дом Екимовой из деревни Рышево.
Фрагмент фасада. 1882.
Новгородский музей «Витославлицы»

никами – ансамблем Кижского погоста и целым рядом других древних построек, – часовен и жилых домов, отмечающих места старинных деревень его ближайшей округи. Так же формируется Музей истории солеварения в Соликамске. Те же принципы заложены в структуре музея-заповедника в Шушенском, где путем перевозки и реставрации ряда крестьянских усадеб была воссоздана исторически достоверная картина жизни старинного сибирского села конца XIX

века, развивающая мемориальную ленинскую тему, связанную с конкретными домами, стоящими на старом месте.

На территории России есть немало музеефицированных памятников народного деревянного зодчества, сохраняемых на первоначальном месте. Это и многочисленные мемориальные усадьбы, и сельские культовые сооружения (в числе таких музеев – комплекс древнего святилища Реком в Цейском ущелье Северной Осетии – единственное, что сохранилось от некогда развитой местной традиции деревянного зодчества). Интересен опыт организации сельского музея в отреставрированной мельнице в Новгородской области. На своих местах, естественно, музеефицируются памятники каменной архитектуры народов, населяющих предгорья Кавказа: жилые и боевые башни в аулах, «город мертвых» в Даргавсе в Северной Осетии и другие.

Но большинство памятников, которые можно сегодня увидеть в музеях под открытым небом России, перевезены со своих мест и демонстрируются в новых условиях. Взвешивая все «за» и «против» метода перевозки, нельзя забывать, что он отнюдь не является современным изобретением, чреватым обязательно насилием над памятником. Срубные конструкции деревянного зодчества мобильны в своей основе. На Руси повсеместно существовали щепные базары, где можно было купить сруб дома, амбара, даже часовни. История знает примеры, когда большие деревянные крепости, например, в Свияжске или Гурьеве, воздвигали за сотни верст от места заготовки их конструкций. Документы пестрят сообщениями о перемещении старых сооружений, главным образом деревянных церквей, вызванном самыми разнообразными причинами: задумала крестьянская община выстроить более просторный или изукрашенный храм – старую церковь продавали в другое село,

часто на «погорелое место»; менял дислокацию полк – с ним вместе переезжала церковь. Многие памятники, стоящие ныне в музеях под открытым небом, в прошлом не раз уже меняли свое место или перестраивались.

Таким образом, метод переборки сруба с заменой подгнивших бревен и перевозка деревянных построек имеет глубокие корни в русском народном зодчестве. И сегодня зачастую это единствен-

Дом Обуховой из деревни Улянково. Середина XIX в.
Музей в Нижнем Новгороде

ный путь, позволяющий избежать утраты древних сооружений. Конечно, такое решение о перевозке должно быть каждый раз тщательно взвешено, но коль скоро оно принято, то главный вопрос – в какой ситуации окажется памятник на новом месте.

Уже создатели первых музеев под открытым небом старались располагать их в живописной местности с разнообраз-

ным ландшафтом. Характерный рельеф, лесные массивы, поля, перелески, водоемы – все это создает собирательный образ края, являющегося местом рождения памятника. В некоторых музеях постройки размещаются разреженно, на выигрышных, хорошо обозримых местах, они не мешают друг другу, но и никак друг с другом не связаны. Это принцип «музея-парка», примером которого может служить собрание памятников деревянного зодчества в Коломенском. Совершенно иным является принцип «музея-села», где ансамбли крестьянских домов-усадьб, хозяйственных построек, храмов и других сооружений воспроизводят целостные фрагменты застройки поселений, типичные для тех мест, откуда они перевезены. В этих случаях помимо естественного природного ландшафта иногда воссоздается также ландшафт культурный, аграрный, свой для каждого региона: сады и огороды, пашни и выгоны, лесные пасеки и пр. В Российской Федерации создано несколько таких «моделей», воспроизводящих местные особенности планировки улиц, площадей, береговой застройки сел и прилегающих угодий. Нередко в рамках одного музея имеются сектора, фактически ряд типологически различных и пространственно обособленных «поселений».

В регионах, где исторически сложился неоднородный этнический состав населения, в музеях формируются сектора, посвященные зодчеству и быту отдельных народов. Так, в Кижях можно увидеть карельские постройки, в музеях Бурятии и Иркутской области – чумы эвенков и юрты бурят, в музее села Милюково – самобытные произведения зодчества народов Камчатки, в музее Пермской области – курную избу, сохранившую особенности коми-пермяцкого жилища древнейших времен. Местным строительным и хозяйственным традициям посвящены сравнительно небольшие

музеи под открытым небом в республиках Поволжья (в селе Ибрешти в Чувашии, в городе Козьмодемьянске республики Марий-Эл, вблизи Саранска в Мордовии). Своеобразна экспозиция музея «Якутская политическая ссылка» в селе Черкех. Наряду с мемориальными избами и юртами, связанными с именами целой плеяды ссыльных – известных революционеров, писателей, ученых – здесь собрана коллекция редких архитектурно-этнографических памятников: «осад-

Однорядная застройка крестьянскими усадьбами XIX – XX вв. музейной «улицы». Иркутский музей «Тальцы»

ный амбар», тюрма-«сибирка», мельница-«топчанка» и др. И все же существующие экспозиции в подобных музеях еще очень ограничены и не дают достаточно полного представления о разнообразных формах народного зодчества страны.

В 1970 – 1980-е годы опыт создания музеев под открытым небом все чаще используется при регенерации и частичной музеефикации рядовой традиционной застройки старых городов. Городские варианты «архитектуры без архитектора», хотя и отличаются от сельских, все же в значительной степени наследу-

ют древние приемы и формы народного зодчества. Здесь проблемы сохранения историко-архитектурного наследия чаще всего смыкаются с конкретными задачами музеефикации застройки вокруг важнейших исторических и мемориальных памятников. Так создаются музеефицированные зоны в Самаре, Уфе, Саратове. Островки прошлого, напоминающие об архитектурной биографии быстро растущих городов, возникают в Томске, Якутске, Архангельске и других

старинных центрах. Одним из наиболее ранних подобных примеров является комплекс «Декабристы в Иркутске», где последовательно выдерживаются принципы формирования архитектурно-этнографической среды мемориальных памятников.

В Российской Федерации все еще остаются огромные неиспользованные

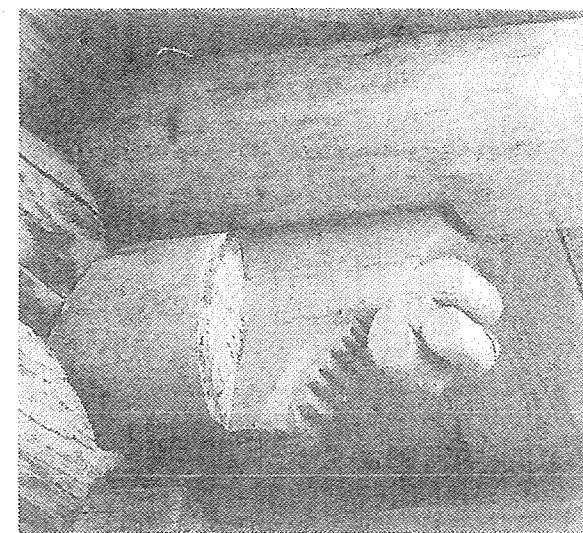
резервы для создания сельских музеев под открытым небом на базе древних сел и деревень. Целые «цепочки» таких поселений сохраняются на Севере: в районах рек Пинеги и Мезени, в Каргополье, Посвирье, в Карелии, а также в некоторых регионах Урала и Сибири. Уже давно обсуждаются различные проекты организации здесь, в местах концентрации памятников, больших музейных комплексов. Их формы могут быть самыми разнообразными, – от грандиозных национальных парков до небольших местных музеев на общественных началах. В частности, вполне реальным было

бы расширение сферы влияния Архангельского музея, который взял бы на себя функции центра с филиалами в близлежащих старинных селах, где сохранились широко известные храмы XVI – XVII веков, или распространение деятельности музея в Кижях на весь регион Обонежья с восстановлением ряда древних селений.

Сегодня создание музеев под открытым небом на основе памятников, сохраняемых на их старых местах, становится приоритетным направлением в их деятельности. Однако их успешное развитие теснейшим образом связано с уровнем общественного самосознания. Ярким примером тому может служить формировавшийся на общественных началах под руководством Л.Д.Самойлова Музей народного искусства Урала в селе Нижняя Синячиха вблизи Алапаевска в Свердловской области, приобретший статус государственного. В его составе имеется музей деревянного зодчества, где собраны крестьянские усадьбы, включая древнейшую в регионе избу 1802 года из села Таборы, две часовни, пожарку, кузню, заводскую сторожевую башню, вставшие рядом с сохраняемой традиционной застройкой живого села. Практически здесь создается многопрофильный фольклорный центр.

Музеи под открытым небом, возникающие часто как музеи народного зодчества, в дальнейшем, как правило, перерастают узкие рамки историко-архитектурного содержания. Их тематика оказывается значительно шире. Создавая масштабные картины народной жизни, они выступают как музеи этнографические. Включая в свои границы большие массивы нетронутой природы, они смыкаются с природными заповедниками. Внимание к аграрному ландшафту и традиционным земледельческим технологиям сближает их с сельскохозяйствен-

ными музеями. При обращении к конкретным историческим сюжетам они становятся музеями историко-мемориальными. Эта их удивительная пластич-

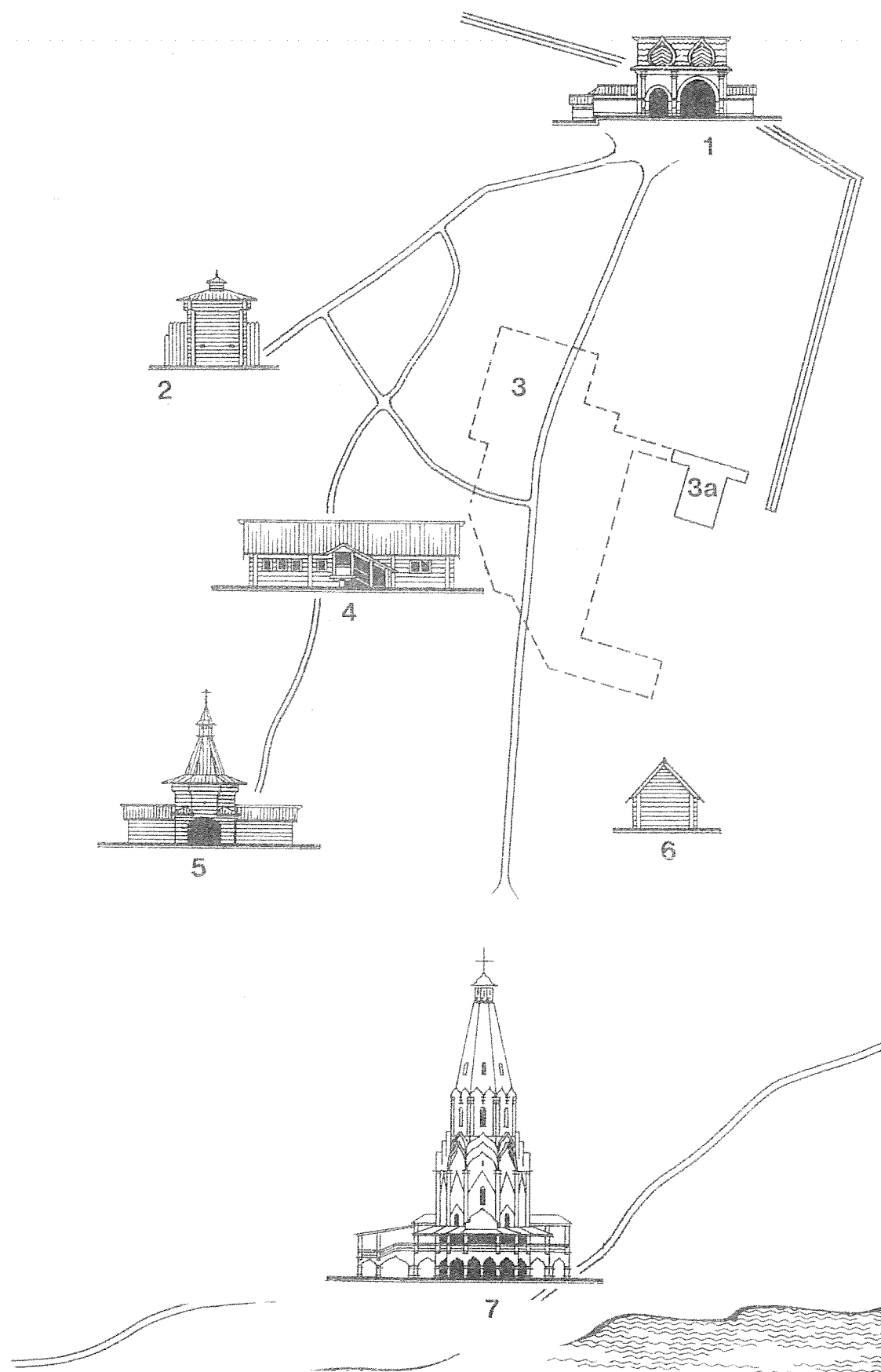

Резная консоль кровли избы. Музей «Ангарская деревня»

ность создает предпосылки для очень разных вариантов развития.

В этих музеях сохраняются не только памятники, но возрождаются, живут и развиваются традиции. В частности, они легко становятся центрами старых ремесел: гончары, кузнецы, плотники, ткачихи и вышивальщицы, мастера колокольных звонов передают ученикам секреты своего искусства. Здесь проводятся фестивали фольклорных ансамблей, праздники, приуроченные к народному календарю, разыгрываются спектакли на темы истории края. Может быть, именно к подобным музеям применимы слова известного французского музеолога XX века Ж.-А.Ривьера: «это зеркало, в которое смотрится местное общество, пытаюсь отыскать там свой образ; зеркало, в которое местные жители дают заглянуть прищельцам, чтобы те прониклись уважением к труду, обычаям и характерным особенностям живущих в этих местах людей».

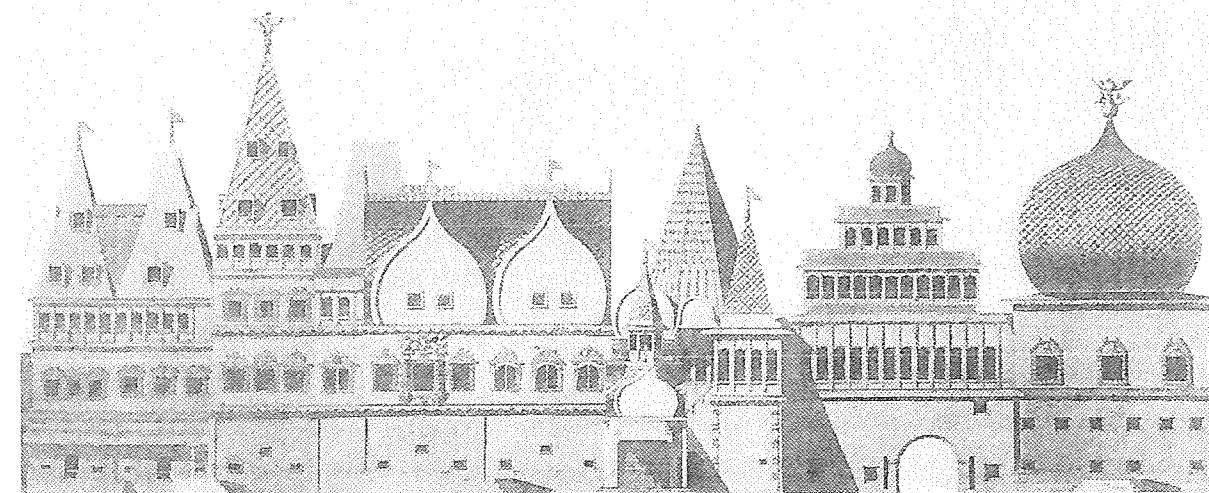
I. ПАМЯТНИКИ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА НА ТЕРРИТОРИИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КОЛОМЕНСКОЕ» (МОСКВА)

На плане-схеме:

1. Спасские («Задние») ворота Государева двора. XVII в.
2. Северная башня Братского острога. 1652–1654.
3. Территория деревянного дворца царя Алексея Михайловича. 1667–1668, 1681.
- 3а. Местоположение сохранившейся каменной домовой церкви Казанской иконы Божьей Матери. 1649–1650.
4. Домик Петра Первого. 1702.
5. Проездная башня Николо-Корельского монастыря. 1691–1692.
6. Хозяйственная постройка из подмосковного села Преображенского. Начало XVIII в. Первый в России опыт перевозки древнего деревянного сооружения в целях музеефикации как памятника архитектуры (1927).
7. Каменная церковь Вознесения. 1532. По словам автора «Летописца вкратце русской земли» XVI века построена «на древяно дело».

В садовом парке музея-заповедника стоят четыре деревянных сооружения XVII – начала XVIII веков, которые составляют старейшую в Российской Федерации экспозицию памятников народного зодчества под открытым небом.

Дворец царя Алексея Михайловича. Чертеж 1768 г.

Каждый из них включает в себе самостоятельную историческую и художественную ценность и воспринимается индивидуально. Памятники расположены свободно, без связи с остальными, скрытые в тени парковых деревьев, тем самым напоминая о первоначальном коллекционном методе формирования европейских музеев под открытым небом в виде «музеев-парков».

Коломенское не случайно в 1920-х годах было выбрано местом, куда впервые стали свозить памятники народного деревянного зодчества. Все строения этой великокняжеской (затем царской) усадьбы, раскинувшейся на высоком берегу Москвы-реки, на протяжении нескольких веков были деревянными. И даже когда в XVI – XVII веках храмы и основные службы стали уже каменными, дворцовые жилые здания продолжали оставаться деревянными. Особой достопримечательностью в истории усадьбы стал дворец царя Алексея Михайловича. Разобранный через сто лет после строительства, дворец известен по сохранившимся чертежам и гравюрам XVIII-XIX веков и макету, выполненному под руководством известного знатока древнерусского зодчества и быта И.Е.Забелина. Живописный силуэт дворца, названного его современником «восьмым чудом света», определялся

причудливыми многообразными формами венчаний хором, гульбищ и крылец в виде многогранных и четырехгранных шатров, крестчатых бочек, кубоватых покрытий. Дворец можно рассматривать как своеобразную «энциклопедию» форм древнерусского деревянного зодчества, которые сохранились в других дошедших до нашего времени памятни-

ках, в том числе и стоящих в музеях под открытым небом.

С 1923 года, когда усадьба была музеефицирована, здесь сразу же начался сбор наиболее ценных архитектурно-художественных фрагментов старинных построек, которым на их первоначальных местах грозило уничтожение. Наряду с белокаменными резными деталями, металлическими изделиями, изразцами сюда свозились резные наличники окон, фрагменты оград с воротами, причелины и другие элементы народной деревянной архитектуры. Они заложили основу ныне существующей богатейшей коллекции русского искусства, зодчества, домашней утвари, которой располагает музей-заповедник. Перевозка сравнительно небольших срубных сооружений стала естественным продолжением этой собирательской деятельности.

В 1927-1934 годах в усадебном парке были поставлены три памятника. Хозяйственная постройка начала XVIII века из села Преображенского представляет больше этнографический, чем историко-художественный интерес, хотя ее стены, сложенные из мощных бревен, производят сильное эмоциональное впечатление. Наибольшую архитектурную ценность имеет башня Николо-Корельского монастыря 1691 – 1692 годов, перевезенная с побережья Белого моря. Она не вполне отражает конструктивные особенности древних боевых башен, но ее облик очень традиционен и позволяет представить себе характер деревянного крепостного строительства на северном порубежье Московского государства. Неизменной популярностью пользуется мемориальный памятник – Домик Петра Первого, выстроенный на острове Маркове в устье Северной Двины в 1702 году, когда Петр руководил строительством Ново-Двинской крепости. На сохранности памятника не могли не сказаться отрицательно его неоднократные перемещения и ремонты (после 1710 года он был перенесен в Ново-Двинскую

крепость, где использовался под казарму, позднее – в Архангельск). Все же в целом домик Петра сохранил облик памятника начала XVIII века, для которого характерно сочетание традиций русского плотницкого мастерства и нововведений петровской эпохи (усложненный план постройки, широкие окна и др.)

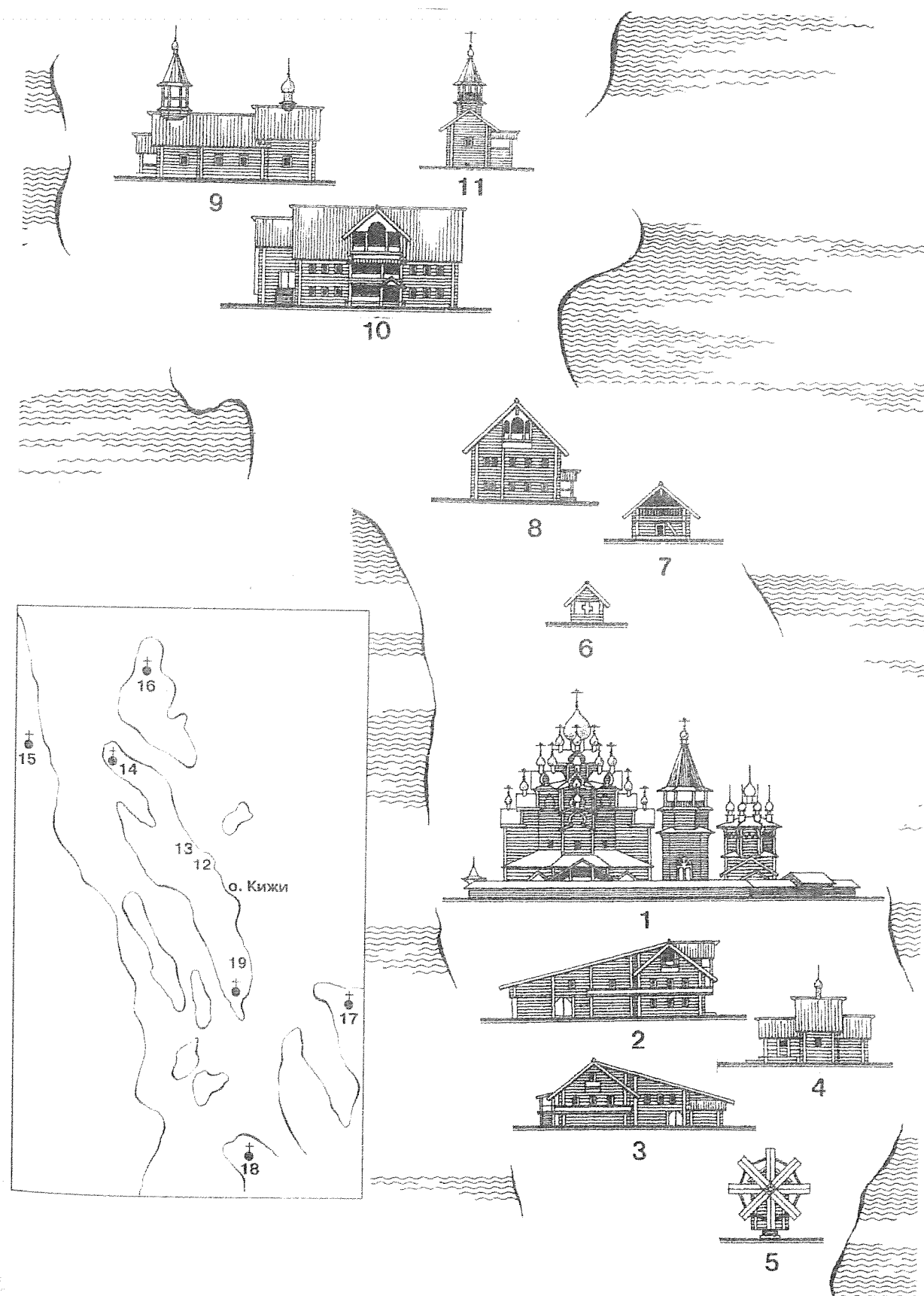
В 1959 году в парке музея-заповедника была установлена башня Братского острога XVII в. Это одна из двух сохранившихся до нашего времени крепостных башен древнего Братска, требовавших срочной перевозки с места их создания в связи со строительством Братской ГЭС (вторая была перемещена на берег водохранилища и находится в музее «Ангарская деревня»). Разобщение двух сооружений одного ансамбля было результатом отсутствия в 1950-х годах научно-методических основ формирования музеев под открытым небом.

Памятники народного деревянного зодчества появились в парке усадьбы Коломенское главным образом как мера по обеспечению их сохранности. Однако благодаря общей тематической направленности музея-заповедника они органично развивают содержание основной экспозиции.

В Домике Петра и 1-м ярусе башни Братского острога развернуты музейные экспозиции, в которых с использованием подлинных предметов XVII – XVIII веков воспроизведены – в первом случае – интерьер царского жилища, во втором – более чем скромная обстановка избы-караульни служилого казачества в глухом сибирском крае.

О неразрывной связи каменных и деревянных форм зодчества XVII века напоминает облик первого же сооружения на пути посетителя музея: вход на территорию усадьбы – каменные Спасские ворота – венчают мощные кресчатые бочки, характерные для деревянных дворцов и храмов того времени, воссозданные в 1980 году по графическим материалам XVIII века.

II. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «КИЖИ»

На плане-схеме:

В центральной части острова:

1. Ансамбль Кижского погоста.

2. Дом Ошевнева. 1876.

3. Дом Елизарова. 1880.

4. Церковь Воскрешения Лазаря. XV в.

5. Ветряная мельница из деревни Волкостров. Начало XX в.

6. Большой поклонный крест. 1763.

В секторе «Пряжинские карелы» (7, 8):

7. Амбар Кипрушкиных из деревни Коккойла Пряжинского района. 1892.

8. Дом Яковлева из деревни Клещеёла Пряжинского района. 1880–1900.

9. Часовня Успения в деревне Васильево. XVII–XVIII вв.

10. Дом Сергина из деревни Мунозеро. Конец XIX в. Установлен в деревне Васильево.

11. Часовня Спаса Нефукотворного из деревни Вигово Медвежьегогорского района. XVII–XVIII вв. Установлена на Нарыной горе на месте часовни, сгоревшей в середине XX в.

В северной и южной частях острова и окрестностях (памятники, отмеченные нарезке):

12. Застройка деревни Ямка.

13. Застройка Пудожской деревни.

14. Часовня Трех святителей из деревни Кавгора Кондопожского района. XVIII–XIX вв. Установлена на Марыной горе.

15. Часовня Параскевы Пятницы и Варлаама Хутынского в деревне Подбельники. XIX в.

16. Часовня Петра и Павла в деревне Волкостров. XVII–XVIII вв.

17. Часовня Кирика и Ушты в деревне Воробы. XVIII–XIX вв.

18. Часовня Знамения Богородицы в деревне Корба. XVIII в.

19. Памятники сектора «Русские Заонежья».

Среди многообразных музеев под открытым небом России прославленные Кижы занимают особое место. Музей, открытый в 1961 году как филиал Карельского краеведческого музея, в 1965–1969 годах был преобразован в музей-заповедник и с тех пор постоянно расширяет и совершенствует свою экспозицию. Прежде всего, Кижы выгодно отличаются от большинства подобных музеев своим расположением не на новой, ранее свободной территории, а на месте, хорошо обжитом еще в древние времена, где сохранились ценнейшие памятники народного зодчества.

Спасский Кижский погост был одним из крупнейших центров Обонежья, в древности входившего во владения Великого Новгорода. Позже, уже под властью Москвы, во второй половине XVI века он объединял 130 деревень, разбросанных на островах и по берегам Обонежья. Здесь развивались зодчество, судостроение, сложилась местная школа живописи, работали переписчики книг, здесь бережно хранили былины, восходившие ко временам Киевской Руси. Близкое порубежье приносило военные бури. Оставило свой след смутное время начала XVII века, через столетие – события Северной войны, о победоносных сражениях в которой, быть может, возвещает мажорный «хор» двадцати двух глав Спасо-Преображенской церкви. Неоднократно Кижский погост становился центром крестьянских восстаний, из которых самое кровопролитное происходило непосредственно у стен Спасо-Преображенской церкви. Так сам остров и его окрестности буквально пронизаны историей.

Еще немногим более ста лет назад на Кижском острове жило до 220 человек в деревнях, где кроме жилых усадеб с амбарами, банями и скотными дворами стояли две мельницы и две часовни. Центром разбросанной по острову застройки стал грандиозный ансамбль Спасо-Преображенской и Покровской церквей с колокольной, зрительно организующий бескрайний простор Великогубского залива Онежского озера с его бесчисленными большими и малыми островами. Мировая культура знает немного примеров столь полного слияния природы и творений рук человека.

Не сразу сложился этот великолепный ансамбль, переживший несколько этапов развития. Спасо-Преображенская церковь 1714 года – наиболее сложное и величественное сооружение, в основе которого лежит характерный для древних шатровых храмов восьмерик с

прирубами. Поэтому не лишено основания предположение о том, что существующее здание повторяет план стоявшего здесь до 1698 года шатрового храма. Сооружение частично воспроизводит пирамидальный силуэт благодаря ярусному построению объемов, каждый из которых увенчан чешуйчатой бочкой с главой. Как бы подчеркивая совершенство его форм, поздняя местная легенда рассказывает, что завершив строительство, мастер воскликнул: «николи не было, николи не будет» – и бросил в озеро топор. Но хорошо известна стоявшая до 1962 года Покровская церковь на Вытегорском погосте в южном Обонежье, едва ли не во всем подобная Спасо-Преображенской церкви, погибшая в пожаре.

Второй по значению памятник ансамбля – теплая трапезная Покровская церковь 1764 года, заменившая собой более раннюю клетскую, соподчинена грандиозному объему Спасо-Преображенской церкви. Двусветный четверик переходит в плавно расширяющийся кверху восьмерик, опоясанный декоративным зубчатым поясом. Найденные при исследовании детали говорят о том, что, может быть, вначале мастера предполагали завершить его шатром, но заменили на пышную чешуйчатую «корону» девятиглавия. В таком случае здесь проявилось вполне осознанное зодчими стремление к максимальной зрительной общности двух храмов. Оба сруба служат пьедесталами для поразительно слитного многоглавого ансамбля.

Воздействие этого выдающегося художественного ансамбля на творчество местных мастеров на протяжении XVIII–XIX веков было поистине неиссякаемым. Об этом, в частности, напоминает стоящая рядом колокольная XIX века, продолжившая развитие принципов живописной уравновешенности масс сооружений.

Находясь в центре музейной территории и ощутив художественное совершенство ансамбля Кижского погоста, можно перенестись в мир образов ранних памятников Обонежья, древнейшим из которых является стоящая к югу от него церковь Воскрешения Лазаря XV века. Архаичный способ кладки сруба, сплошная выстилка слег под тесовую кровлю, отсутствие потолка в восточной и западной частях сооружения, ювелирная отделка косячатых конструкций окон и дверей с различным сопряжением косяка со стеной внутри и снаружи здания, – все это приметы глубокой древности. У тех, кто впервые попадает в тесную полутемную церковь и чуть ли не в упор встречается с древними ликами икон, возникает ощущение сопричастности к миру бесконечно далекого прошлого.

В состав музея-заповедника входит большая группа часовен XVII–XIX веков из старинных деревень на Кижском и близких к нему островах, а также на материковом берегу (Васильево, Волкостров, Подбельники, Корба, Воробы). Они значительно расширяют пространственную структуру музейной экспозиции, но «не спорят» с высотным ансамблем Кижей, образуя цепь так называемого «кижского ожерелья». Эти малые храмы, как правило, состоят из двух – трех срубов с двускатными кровлями и имеют пристройки с невысокими шатровыми колокольнями. Тем не менее каждому из них присущ индивидуальный облик, поскольку старые мастера искали в пределах одной архитектурной темы ее бесчисленные конкретные варианты. В интерьерах нескольких часовен сохранились расписные потолки «небо». Напоминая об утраченном подобном перекрытии над молельным залом в Спасо-Преображенской церкви Кижского ансамбля, эти памятники, стоящие в непосредственной от нее близости, приобретают благодаря этому особую историко-художественную ценность.

Экспозиция культовых сооружений, включающая в себя в основном местные памятники и лишь минимально дополненная вывезенными из других мест (часовни из деревень Леликозеро, Вигово, Кавгора), сбалансирована очень удачно. Не претендуя на широкое раскрытие типологии культового зодчества Карелии, она содержит памятники как бы двух его крайних линий развития. Центральный Кижский ансамбль подводит итог многовековым творческим поискам народных зодчих, возводивших величественные храмы в крупных монастырях, на посадах и погостах; параллельно с ними вплоть до XIX века продолжали строить скромные сельские культовые сооружения, выдержанные в традициях простейших клетских храмов.

В южной части острова сохраняется экспозиция, посвященная культуре русского населения Заонежья, сформированная на первом этапе создания музея по принципу свободной расстановки объектов. Среди перевезенных сюда памятников (жилые дома, часовня, мельницы, амбары и др.) наиболее впечатляют два жилых дома-двора благодаря не только своим внушительным размерам, но и великолепию внешнего декоративного убранства.

Наиболее традиционен дом Елизарова 1880 года. Его фасады настолько выразительны, что позволяют с первого взгляда определить функциональное назначение отдельных частей дома. Объем курной избы многократно подчеркнут парапетом гульбища, дополнительным свесом кровли, светелкой. Нарядное одномаршевое крыльцо ведет в сени и кладовые – самую старую часть сооружения, пандус-взвоз – на 2 ярус хозяйственного двора, отдельные ворота – на скотный двор, глухой «озадок» которого выглядит словно настоящая крепость.

Дом Ошевнева 1876 года имеет двойственный характер архитектуры. С од-

ной стороны, это прекрасный образец одного из наиболее традиционных типов планировки народного жилища «кошель», при которой хозяйственный двор, поставленный под одной крышей с жилой частью, примыкает к ней сбоку, отчего здание имеет асимметричную кровлю с огромным пологим одним из скатов. Но с другой – очень сильно влияние городской культуры, что сказывается не только на декоре фасадов, но и на самой планировочной структуре дома, в котором нижний ярус используется как жилой.

Живописный внешний облик местных изб весьма характерен для XIX века, когда Заонежье оказалось тесно связано с Петербургом. Художественные традиции народного зодчества переплелись в них с мотивами каменной городской архитектуры; особенно распространились наличники окон, увенчанные крупными барочными волютами. Их следы отчетливо видны и на срубе трапезной Покровской церкви в Кижях. В отличие от фасадов, интерьеры изб воспроизводят традиционные формы северного народного жилища.

Севернее центрального Кижского ансамбля расположились памятники Карельского сектора из южного региона республики («Пряжинские карелы»). Большой двухэтажный дом Яковлева представляет образец планировки «брус», где все помещения как бы нанизаны на одну продольную ось под общей двускатной кровлей. Структура дома не отличается от русских домов этого типа, но характер декора иной. Рисунок наличников окон более изломан и динамичен; живописный вид имеет трехарочный балкон с ажурными розетками, свисающими с его арок и основания; своеобразен прием оформления спаренных окон. Все это мотивы карельской архитектурно-строительной традиции. Она проступает и в облике двух стоящих рядом амбаров из деревень Коккойла и Пелдожи.

Но эти единичные постройки не отражают всей совокупности региональных особенностей, поэтому в музее предусмотрено расширение экспозиции карельских памятников (организация сектора «Кондопожские карелы» на северном окончании острова) и создание сектора, посвященного культуре вепсов.

В последние годы развитие музея-заповедника идет по пути восстановления прибрежной застройки деревни Ямка и частично Васильево, а также формирования Пудожского сектора, где сосредоточены памятники из Восточного Обонежья. Особенно интересен опыт восстановления деревни Ямка, часть построек которой реставрирована на месте, часть перевезена из окрестных деревень, с их использованием преимущественно по прямому назначению под жилье и хозяйственные нужды. Именно это и придает Ямке характер живого села, что делает ее посещение особенно привлекательным.

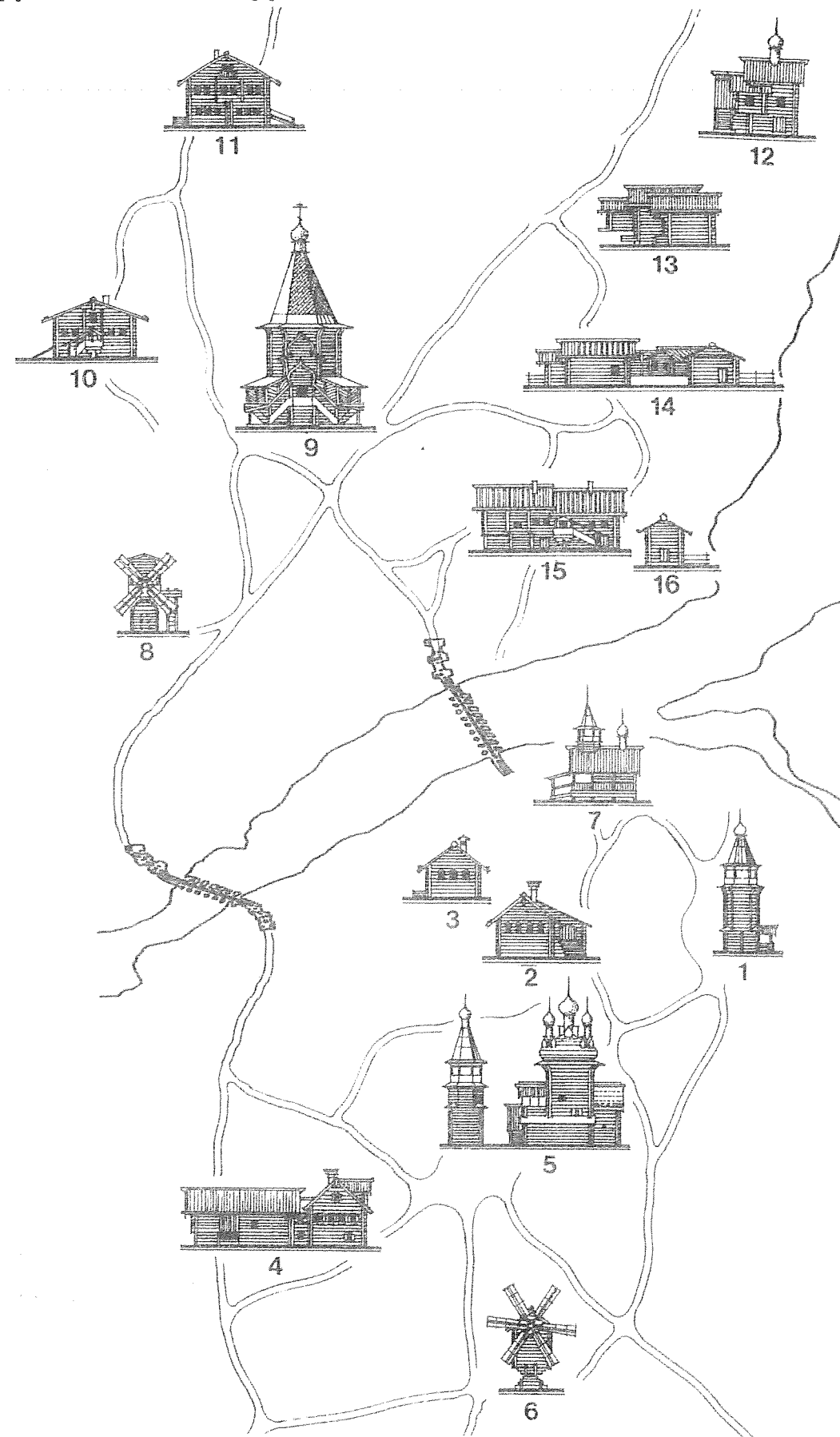
Неизменный интерес посетителей музея-заповедника к воссозданной застройке деревень-резерватов показывает, насколько актуальна проблема возрождения и других поселений в окрестностях Кижей, отмеченных сохранившимися часовнями, и организации расширенного архитектурно-ландшафтного заповедника «Кижские шхеры».

Располагающий прекрасными образцами северорусского и карельского народного зодчества и искусства, развивающий различные формы музеефикации памятников как на их исконных ме-

стах, так и путем перевозки, музей-заповедник «Кижь» давно перерос региональные рамки и приобрел общенациональное значение и мировую известность.

(Музей-заповедник постоянно расширяет и совершенствует свою экспозицию. В этой связи нельзя не отметить лишь вскользь упомянутый автором Пудожский сектор. В конце 1980-х годов к северу от деревни-резервата Ямка, на сравнительно узком перешейке между берегом Онежского озера и заливом Можгуба сформирована малодворная приозерная деревня из 3 крестьянских домов-усадеб, перевезенных из различных районов Пудожья – большого региона Карелии – Восточного Обонежья, примыкающего к Архангельской и Вологодской областям. Сельский пейзаж, характерный для этого сурового северного края, дополняют вставшие вдоль берега небольшие амбары, баньки, вешала, изгороди-плетни, досчатые спуски к воде... В интерьерах домов размещены бытовые и тематические выставки, связанные с хозяйственной деятельностью и занятием ремеслом местных жителей. Успех в создании еще одного сектора в «Кижях» – в традиционном творческом взаимодействии архитекторов-проектировщиков и научных сотрудников музея-заповедника. «Пудожская деревня», наряду с широко известной Ямкой, – важный этап в истории «Кижей», где вновь перевезенные памятники предстают в экспозициях по типу «музея-села». Э.Д.)

III. АРХАНГЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА И НАРОДНОГО ИСКУССТВА «МАЛЫЕ КОРЕЛЫ»

На плане-схеме:

1. Колокольня из села Кулига Дракованово Красноборского района. XVI—начало XVII вв.

В секторе «Каргополье — Онега»:

2. Усадьба Попова из деревни Погост Каргопольского района. XIX в.

3. Усадьба Полунова из деревни Гай Каргопольского района. XIX в.

4. Дом Пухова из деревни Большой Халуй Каргопольского района. XIX в.

5. Вознесенская церковь (1669) и колокольня (XIX в.) из села Кушерека Онежского района.

6. Три ветряные мельницы: шифровка из села Кож-поселок и две столбовки из сел Большая Шалга и Калгачиха. XIX в.

7. Часовня из деревни Федоровская Плесецкого района. Конец XVIII в.

8. Две мельницы-столбовки из деревень Юксозеро и Медлеша. XIX в.

В секторе «Северная Двина»:

9. Георгиевская церковь из села Вершина Верхнетоемского района. 1672.

10. Дом Щеголева из села Ирта Ленского района. XIX в.

11. Дом Тропина из деревни Цывозеро Красноборского района. XIX в.

В секторе «Пинега»:

12. Троицкая часовня из деревни Вальтево Пинежского района. XVIII в.

13. Зерновые амбары на стойках с берегов Пинеги.

14. Сезонное поселение деревни Хорнема Пинежского района. Начало XX в.

В секторе «Мезень»:

15. Дом Кузьмина из деревни Чучепала Ленуконского района. XIX в.

16. Зерновой амбар из деревни Мелогофа Мезенского района. XIX в.

Музей раскинулся в 28 км к югу от центра Архангельска вблизи старинной деревни Малые Корелы на обширном возвышенном плато, плавно спадающем к берегам тихой речки Корелки. Сочетание открытых полей и лесных массивов, зрительная связь с акваторией Северной Двины позволяют воспринимать его ландшафт как модель одного из крупнейших древних культурных регионов России. Первоначальная площадь музея — около 80 га, вместе с охранной зоной — 140 га.

Основанный в 1968 и открытый в 1973 году музей развивается по классической методике размещения памятни-

ков на свободной территории по географическому принципу. В научной концепции его формирования учитывается, что освоение северных окраин Русского государства, длившееся в течение нескольких веков, шло вдоль берегов могучих северных рек. Выходцев из Великого Новгорода, затем — из Ростова и Твери, позднее — из Москвы, несших в этот суровый край высокую культуру средневековой Руси, разделяли труднопроходимые леса междуречий, что способствовало сложению местных художественных традиций и технических приемов, развивавшихся в рамках общности северорусской культуры. Поэтому структура музея строится по секторам, в названии которых явно слышится его членение по речным акваториям: Каргопольско-Онежский, Северо-Двинский, Пинежский, Мезенский, Важский, Поморский. Сгруппированные в них памятники дают представление о сложном развитии народной культуры края, носившего в разные эпохи наименования Заволочье, Двинская земля, Беломорье, а ныне условно объединенного в границах Архангельской области.

Каждый сектор представлен как небольшой сельский ансамбль, где имеются не только жилые и хозяйственные постройки, но и производственные сооружения и «малые формы»: колодцы, ограды, вешала, качели и др. Это помогает создать так называемый «эффект присутствия». Богатый фонд сохранившихся подлинных памятников, каким еще обладает этот регион, позволил включить в экспозицию музея ценнейшие объекты, благодаря чему он стал одним из самых представительных и популярных музеев под открытым небом в стране.

Не случайно осмотр экспозиции начинается с памятников из приозерных каргопольских земель и с берегов Онеги, через которые шло освоение края новгородцами. Конечно, сооружений

той далекой эпохи не сохранилось, но до недавнего времени еще были живы древние традиции. Строительство черных (курных) изб продолжалось здесь до начала XX века. Скромный дом Полуянова из деревни Гарь практически повторяет планировку древнейших изб, раскрытых археологами в Новгороде. Уникальным образцом черной избы, не перетерпевшей перестройки, является дом Третьякова. Чуть сложнее, но столь же традиционна архитектура дома Попова из деревни Погост.

Параллельно со строительством курных изб здесь развивались другие формы крестьянского жилища, испытывавшие в XIX веке влияние городской культуры. К ним относятся богато украшенные огромные двухэтажные дома Пухова и Кириллова.

Вековая традиционность форм местного зодчества сказалась в культовой архитектуре Каргополья. Трудно поверить, что стоящие в музее две клетские часовни выстроены в конце XVIII – XIX веках, – их формы вызывают в памяти изображения в альбомах путешественников, побывавших в Московии в XVI – XVII веках. Но центральное культовое сооружение этого сектора – один из самых выдающихся художественных памятников на Русском Севере. Это огромная Вознесенская церковь 1669 года из села Кушерека, которая надолго запомнится благодаря предельно сложному и пышному венчанию мощным чешуйчатым кубоватым покрытием с пятью главами.

Северо-Двинский, Пинежский и Мезенский секторы формировались с середины 1970-х годов, хотя отдельные ценные памятники были установлены здесь уже к моменту открытия музея. Ведущей темой в них остается архитектура крестьянской усадьбы. По сравнению с Каргопольско-Онежским сектором, в Северо-Двинском, посвященном культуре населения по берегам основной водной ма-

гистральной Севера, структурно-типологический диапазон изб и хозяйственных построек шире, а декоративное убранство фасадов богаче.

Здесь можно увидеть избы-двойни, где два сруба механически объединены под одной кровлей, избы-пятистенки с одной общей стеной между двумя срубами. Но особую ценность предоставляют избы-шестистенки, самый развитый на Севере тип крестьянского жилища, сохранивший наиболее яркие черты народного зодчества. Два жилых помещения, обращенные парадными окнами к улице, объединены промежуточным пространством. В одних случаях, как в доме Турובה из села Ирты, это всего лишь скромная полутемная кладовая, в других, как в доме Щеголева из того же села – просторные сени, куда ведет нарядное крыльцо. Еще недавно такие избы были сравнительно широко распространены не только по берегам Северной Двины и Вычегды, но и в Вологодском крае.

В облике изб Подвинья большую роль играют повествовательные и орнаментальные мотивы традиционной домовой резьбы. Их кровли венчают конь, олень, утка, связанные с космогоническими представлениями, уходящими к временам язычества, когда эти образы олицетворяли солнце, водную стихию, были символами «оберегами». Кто знает, сколько столетий живет в народе представление, что «конь и курица на крыше – в избе тише»? Остатки этой первобытной магии можно увидеть не только на фасадах, но и в интерьерах изб, где печь нередко украшена резьбой со стилизованным изображением коня, женские и птичьи силуэты украшают ручки деревянных ковшей и даже детали мебели.

Верховья Северной Двины через Вычегду были связаны с землями народа коми, отчего местное зодчество испытало несомненное влияние его строитель-

ных традиций, в частности, в характере домовой резьбы, которая здесь зачастую более архаична, угловата в очертаниях. Курных изб не сохранилось, но композиции уличных фасадов домов нередко состоят из центрального «красного» и двух малых, имитирующих волоковые.

Жилые усадьбы Северо-Двинского сектора, повторяя принцип застройки сел этого региона, охватили полукольцом площадь, где высится один из ценнейших памятников Подвинья – Георгиевская церковь 1672 года из села Вершина, один из немногих сохранившихся столпообразных шатровых храмов, – «церковь круга» русских летописей.

Памятники с берегов Мезени разместились вдоль кромки берегового откоса Корелки и составляют значительную часть панорамы музея со стороны шоссе. В регионе Мезени превалировала однорядная застройка, тянущаяся вдоль реки. Нередко хозяйственные и даже жилые постройки, а иногда и проезжая часть улицы основывались на заполненных землей или камнем бревенчатых срубах, предохранявших береговую полосу от оползней в период паводков. Эта древняя инженерно-строительная традиция воспроизведена в музее. Облик мезенских изб несет на себе печать суровых условий выживания человека в отдаленном северном крае. Избы подняты на высокие подклеты, архитектурная обработка фасадов предельно проста, отчего избы кажутся очень монументальными. Повседневная жизнь деревни здесь была связана прежде всего с рекой-кормилицей, поэтому на берегу стоят со-

ляные и рыбные амбары, лодочные сараи.

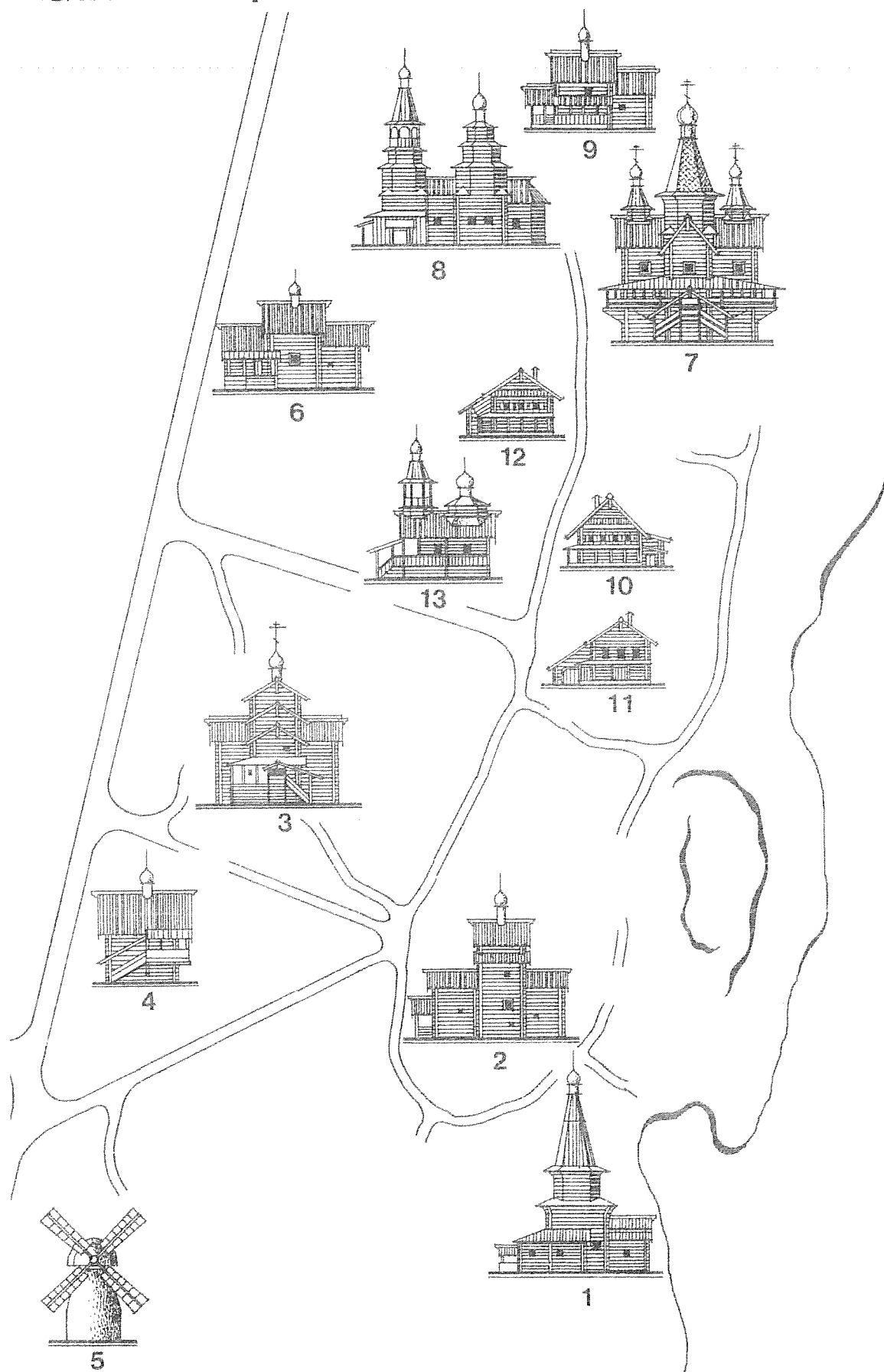
Земли по Пинеге расположены южнее мезенских, здесь успешно развивалось земледелие. Общий характер застройки сел ближе к Северо-Двинскому. Интересной достопримечательностью Пинежского сектора стали перевезенные в музей амбары на сваях, защищающих запасы зерна от грызунов. Невдалеке от них расположилось сезонное поселение: небольшие жилые дома, амбары, сараи, служившие крестьянам при работах на выезде из села (на сенокосе, заготовке леса, охоте, рыбной ловле).

Мезенский и Пинежский районы были местом рождения совершенно особого типа сельского деревянного храма с завершением в виде перекрещивающихся бочек с четырьмя усеченными конусообразными шатрами с главками и высоким шатром с главой в центре. Подобные храмы стали уже редкостью и еще не решен вопрос о воспроизведении копии одного из них в музее. А пока на опушке леса стоит лишь небольшая Троицкая часовня из села Вальтево – пример скромного клетского храма, украшенного резным крыльцом.

Пейзаж музея обогащают причудливые силуэты ветряных мельниц. Эти, казалось бы, чисто утилитарные сооружения когда-то «оспаривали» у храмов роль доминирующих высотных ориентиров селений.

Из шести предусмотренных в музее секторов четыре практически сформированы. Их экспозиция широко и интересно демонстрирует прекрасные памятники народного зодчества и крестьянского быта Русского Севера.

IV. НОВГОРОДСКИЙ МУЗЕЙ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА «ВИТОСЛАВЛИЦЫ»

На плане-схеме:

1. Успенская церковь из села Курицко Новгородского района. 1595.
2. Никольская церковь из села Тухолья Крестецкого района. 1687–1688.
3. Никольская церковь из села Макишево Хвойнинского района. XVII в.
4. Часовня из деревни Малышево.
5. Мельницы-шатровки из деревень Ладошина и Подгощи. Начало XX в.
6. Церковь Троицы из Рекитской пустыни Любытинского района. 1672–1676.
7. Церковь Рождества Богородицы из села Передки Боровичского района. XVI в., 1699.
8. Никольская церковь из села Высокий Остров Окуловского района. 1779–1781.
9. Успенская церковь из села Никулино Любытинского района. 1599.
10. Жилой дом Екимовой из деревни Рышево Новгородского района. 1882.
11. Жилой дом Туницкого из деревни Пырицы Крестецкого района. XIX в.
12. Жилой дом Шкитарева из деревни Частова Новгородского района. XIX в.
13. Часовня из деревни Кашира Маловишерского района. 1742–1745.

Великий Новгород издавна славится каменными архитектурными памятниками. Но, как и в других центрах Древней Руси, основным строительным материалом здесь долго оставалось дерево, в использовании которого местные мастера достигали впечатляющих результатов. Археологи за последние 50 лет раскрыли на территории города сотни усадеб различного времени, изучение которых позволяет проникнуть в тайны многовекового развития русского народного зодчества. Так, по крайней мере с IX века в Новгороде были известны венчатые срубные конструкции с угловым соединением «в обло с остатком», самцовые кровли с крючьями-курицами, применение бересты.

В I половине XX века был нанесен невосполнимый урон исторической сельской застройке. К тому же сохранившиеся культовые сооружения дошли, как правило, в реконструированном в XIX-начале XX века виде. Это стало причиной вынужденного сравнительно широ-

кого применения метода воссоздания обветшавших или утраченных элементов при реставрации памятников в музее.

Музей на окраине Новгорода расположен на территории около 50 га, в местности, давно обжитой человеком. Здесь, на обширной низменности на берегу озера Мячино, у стен Юрьева монастыря, в X – XII веках стояло сельцо Витославлицы, позднее был Пантелеймонов монастырь, напомним о котором служат руины каменных зданий, в XIX веке располагалась усадьба А.А. Орловой; сохранились тенистый парк, главный дом и флигель.

В центре музейной территории, в Мстинском секторе, вдоль «деревенской улицы» в два ряда выстроились крестьянские усадьбы, облик которых непривычен для других мест: вдоль фасадов изб тянутся открытые галереи на резных столбиках. Это «прикольки», известные по документам с XVII века, очень удобные в сыром неустойчивом климате, защищающие нижние венцы сруба от влаги, служащие прикрытием от дождя.

Явно местный колорит имеет декоративное убранство фасадов изб: резные наличники окон и ставен, протяженные узорчатые парапеты во фронтонах. В домовый резбе сочетаются мотивы разного происхождения: дошедшая из глубины веков скульптурная обработка конструкций кровель в виде птичьих или конских голов, традиционные прорезные «солнышки» на полотенцах и причелинах, заимствованные из городской архитектуры барочные волюты, балясины, занавеси с кистями. Особенно интересен декор избы Екимовой.

В организации пространства домов чувствуются традиционность бытового уклада, столетиями отработанные архитектурно-строительные приемы. Для тех, кто уже знаком с северорусским народным жилищем, здесь все узнаваемо, хотя и имеет четкие местные особенности. Огромный хозяйственный двор с

высокими массивными опорными столбами перекрыт с избой единой двускатной кровлей. Здесь и помещения для скотины, и сенник, и лари для хранения урожая; ближе к избе хранятся заготовки и изделия промысла, которым занимается владелец дома. В доме Туницкого стоят на продажу бочки, в доме Шкипарева – плетенные из бересты и лыка лапти, короба, туеса, в доме Екимовой – орудия для обработки льна. Сбоку к избам пристроены «передки» под односкатной кровлей, где хранят повозки, сезонный инвентарь, коромысла.

Курные избы строились здесь еще на рубеже XIX – XX веков. Их интерьеры почти не отличаются от подобных изб других регионов, а обстановка свидетельствует о нелегком, даже суровом быте. Только привозной, до блеска начищенный самовар да цветастый рушник или лоскутная дорожка на дощатом полу нарушают общий приглушенно-охристый колорит крестьянского жилища, наполненного предметами обихода, саморучно вырезанными из дерева, сплетенными из бересты, обожженными из глины.

Проектирование музея началось в 1959 году, а практическая перевозка памятников – с Успенской церкви из села Курицко 1595 года, заложившая основу экспозиции в 1964 – 1965 годах. Храм стоял на берегу озера Ильмень, отмечая место рыбацкого поселка. Рассчитанный на восприятие издалека, он почти лишен резного декора. Его пропорции позволяют считать этот древнейший из сохранившихся памятников типа «восьмерик на четверике», увенчанный шатром, одним из самых совершенных художественных произведений местных зодчих.

За Мстинским сектором возвышается своеобразный архитектурный ансамбль, воспроизводящий облик древнерусского погоста. Церковь Рождества Богородицы 1528 – 1531 годов играет в

нем главную роль. Поднятый на высокий подклет четверик окружен прирубками и увенчан мощным шатром на восьмигранном основании. Этот тип шатрового храма с крестообразным планом впоследствии стал основой для развития многоглавых храмов. В самой церкви Рождества Богородицы в 1699 году также появились два боковых шатра с главками. Несмотря на то, что церковь, как и некоторые другие памятники музея, претерпела коренную реконструкцию при перевозке и реставрации, ее воссозданные части (шатры, галерея с распашным крыльцом, дверные колоды и другие детали) выполнены современными новгородскими плотниками столь искусно, с таким пониманием художественных достоинств самой текстуры дерева, что воспринимаются как очень традиционные.

В ансамбль «погоста» входит ярусная Никольская церковь 1779 – 1781 годов из деревни Высокий Остров – памятник времени близящегося заката народного культового зодчества. А недалеко стоит миниатюрная клетская Успенская церковь из села Никулино, выстроенная на рубеже XVI – XVII веков, отмеченная необыкновенной традиционностью близких к избяным форм.

Несмотря на большой разрыв по времени строительства этих трех стоящих рядом памятников, они предстают перед нами как естественно сложившийся ансамбль. Их объединяет общее понимание «меры красоты», которое на протяжении нескольких веков оставалось неизменным в своей основе.

Большинство остальных культовых сооружений музея относится к XVII веку и принадлежит к клетскому типу храмов. Они удачно размещаются то на опушке леса, то на «околице села», напоминая о своем первоначальном месте. Никольская церковь из деревни Тухоля, например, возникает перед посетителем музея как неотъемлемая часть пейзажа в окру-

жении старых сосен и валунов на берегу озера. Большой такт, проявленный реставраторами при ее установке, позволяет «читать» на фасадах историю памятника, в XIX веке искаженного обшивкой. Интересна архитектура часовни из деревни Кашира, стоящей на краю Мстинского сектора. Необычно сложно объемное построение Никольской церкви из деревни Мякишево со ступенчатыми двускатными кровлями, венчающими кресчатый в плане основной объем. В музее не встретишь величественных культовых сооружений, подобных тем, что украшают Кижи. Но сохранившиеся шатровые и клетские храмы новгородской земли в художественном отношении поистине совершенны.

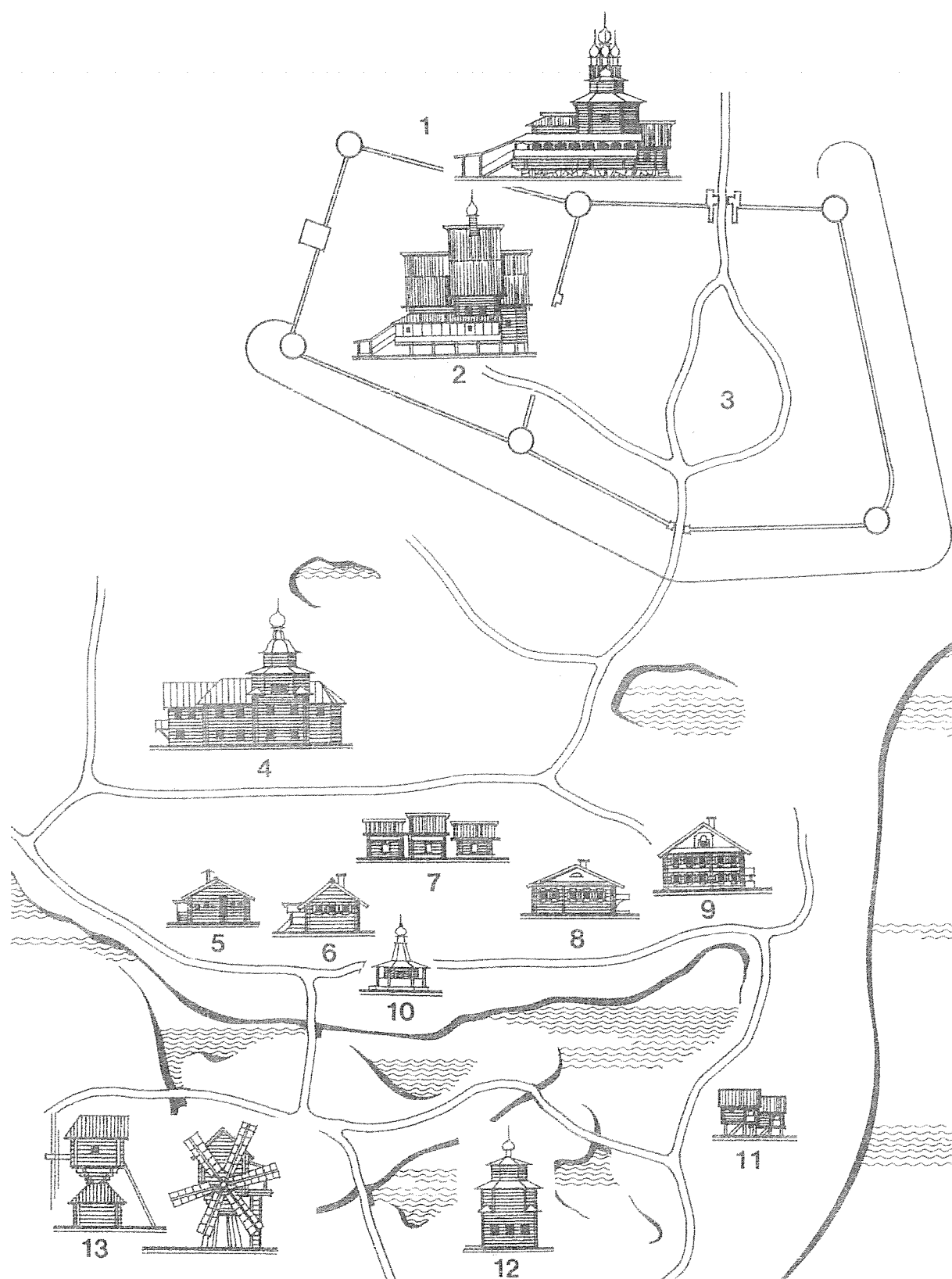
Экспозиция музея постоянно пополняется. Постепенно формируется производственный сектор, отмеченный вертикалями мельниц-шатровок.

Музей раскрывает еще недавно почти неизвестную страницу русского народного деревянного зодчества Новгородского края первой половины XVI – XIX веков. Вне стен музея большинство из этих сооружений уже было бы утрачено.

Совершенно очевидно, что выбор памятников для перевозки и реставрации диктовался в первую очередь их аварийным состоянием и необходимостью спасения от гибели. И вместе с тем, этот музей – один из самых гармонично скомпонованных, талантливо сочетающий в своем облике оба принципа построения – и «музея-парка», и «музея-села». Сравнительно небольшой по площади и количеству сооружений, он оставляет все же огромное впечатление: наряду с самобытной каменной архитектурой в этом крае на протяжении многих столетий хранились и активно развивались древние традиции мастерства плотников-зодчих.

Прекрасен пейзаж открывающийся от стен Курицкой церкви. Он словно сконцентрировал в себе все приметы новгородской земли: далекую, но легко угадываемую панораму кремля с отблеском позолоты главы Софийского собора, широкий водный простор, нескончаемые заливные дуга с купами ивняка и силуэтами старинных храмов на горизонте, ближний ансамбль древнего Юрьева монастыря.

V. МУЗЕЙ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ И БЫТА В КОСТРОМЕ

На плане-схеме:

1. Церковь Собора Богородицы из села Холм Галичского района. 1552.
2. Церковь Спаса Преображения из села Вежи Костромского района. XVII в., 1713.
3. Территория Ипатьевского монастыря.
4. Ильинская церковь из села Верхний Березовец Солигаличского района. XVIII в.
5. Дом Тарасова из деревни Мухино Вохомского района. Первая половина XIX в.
6. Дом Ципелева из деревни Аристиха Шарьинского района. Первая половина XIX в.
7. Амбары из деревни Собакино Перехтского района. XIX в.
8. Дом Серова из деревни Мытищи Макарьевского района. Вторая половина XIX в.
9. Дом Липатова из деревни Кобылино Макарьевского района. XIX в.
10. Часовня из деревни Большое Токарево Солигаличского района. XIX в.
11. Баньки на сваях из деревни Ведерки Костромского района. XIX в.
12. Часовня из деревни Притыкино Шарьинского района. XVIII в.
13. Мельницы-столбовки из Солигаличского района. XIX-начало XX вв.

Экспозиция памятников народного зодчества Костромской области расположена у стен Ипатьевского монастыря. На структуре музея, разбросанного на трех участках, отрицательно сказались условия первых лет его формирования. Лишь после того, как во второй половине 1950-х годов сюда в целях обеспечения сохранности был перевезен ряд ценнейших памятников, музеем, наконец, выделили участок площадью около 20 га. Здесь, на открытой низменности, где когда-то были сенокосные угодья монастыря, неподалеку от впадения реки Костромы в Волгу, размещено более 30 произведений местных плотников-зодчих.

Вдоль берегов неглубокой речки Игуменки воспроизведена однорядная застройка деревенских изб. Однако стоящие бок о бок дома свезены из разных мест области и представляют различные архитектурно-строительные традиции. Ближе к входу в музей стоят избы первой половины XIX века, тяготеющие к северным формам зодчества. Среди них интересна изба-двойня Тарасова из де-

ревни Мухино: два сруба, обращенные в сторону улицы, объединены под одной двускатной кровлей с хозяйственным двором. Характерен внешний облик дома с волоковыми окнами курной избы, скучным декором фасадов. Соседний с ним дом Ципелева из деревни Аристиха – изба-четырёхстенка – богаче в оформлении фасада. К этой группе изб, происходящих из северных и северо-восточных земель области, относится и изба Ершова из села Портюг 1860-х годов. Дома Серова и Липатова, перевезенные из Макарьевского района, так же как и дом Лоховой из Нижегородской области, принадлежат к нижегородскому типу народного жилища, сложившемуся в XIX веке. От северных изб они отличаются как конструкцией крыши (имеющей стропильную систему перекрытия), так и пышной барочной резьбой главного фасада. Особенно интересен дом Серова, сохранивший еще облик традиционной избы на глухом подклете, но имеющий виртуозно выполненную резьбу. В узорчатый орнамент карнизных досок и обрамление полуциркульного окна во фронте искусно вплетены изображения львов и сказочных фараонов, витиеватые надписи с именами владельца дома и мастера. Филенчатые ставни и наверхия окон на фасаде, столярные изделия в интерьере украшены розетками.

В музее собраны амбары, кузница, водяная мельница. Чуть поодаль высятся ветряные мельницы-столбовки из Солигаличского района, основанные то на пирамидальных срубах, то на массивных, косо поставленных бревнах. Но особое внимание привлекает группа банек из деревни Ведерки, высоко повисших над землей на кривоватых, почти не обработанных бревнах-сваях, рассчитанных на высокий паводок. Они происходят из низменной заболоченной местности и перевезены в Ипатьевский монастырь еще до организации музея. Это последние образцы хозяйственных свайных построек, отличавших облик

ряда деревень и сел в окрестностях древней Костромы. О «домиках на высоких столбах» вспоминает любивший охотиться в тех местах Н.А. Некрасов в поэме «Дед Мазай и зайцы».

Музей славится культовыми памятниками. Среди них церковь Собора Богородицы 1552 года из села Холм – одно из древнейших сохранившихся сооружений деревянного зодчества России. Монументальный восьмигранный сруб увенчан малым восьмериком с пятью главками на кресчатых бочках. Как предполагают, это декоративное завершение могло появиться при одном из последующих ремонтов в XVII – XVIII веках, заменив собой первоначальное шатровое, более традиционное и органичное для подобного основания. Столпообразный объем храма играет главенствующую роль в облике сооружения, ему подчинены невысокие алтарный прируб и трапезная. Но на западном фасаде на первый план выступает протяженная широкая галерея, висящая на мощных бревенчатых консолях. Интерьер отличается почти аскетической простотой, характерной для сельской церкви.

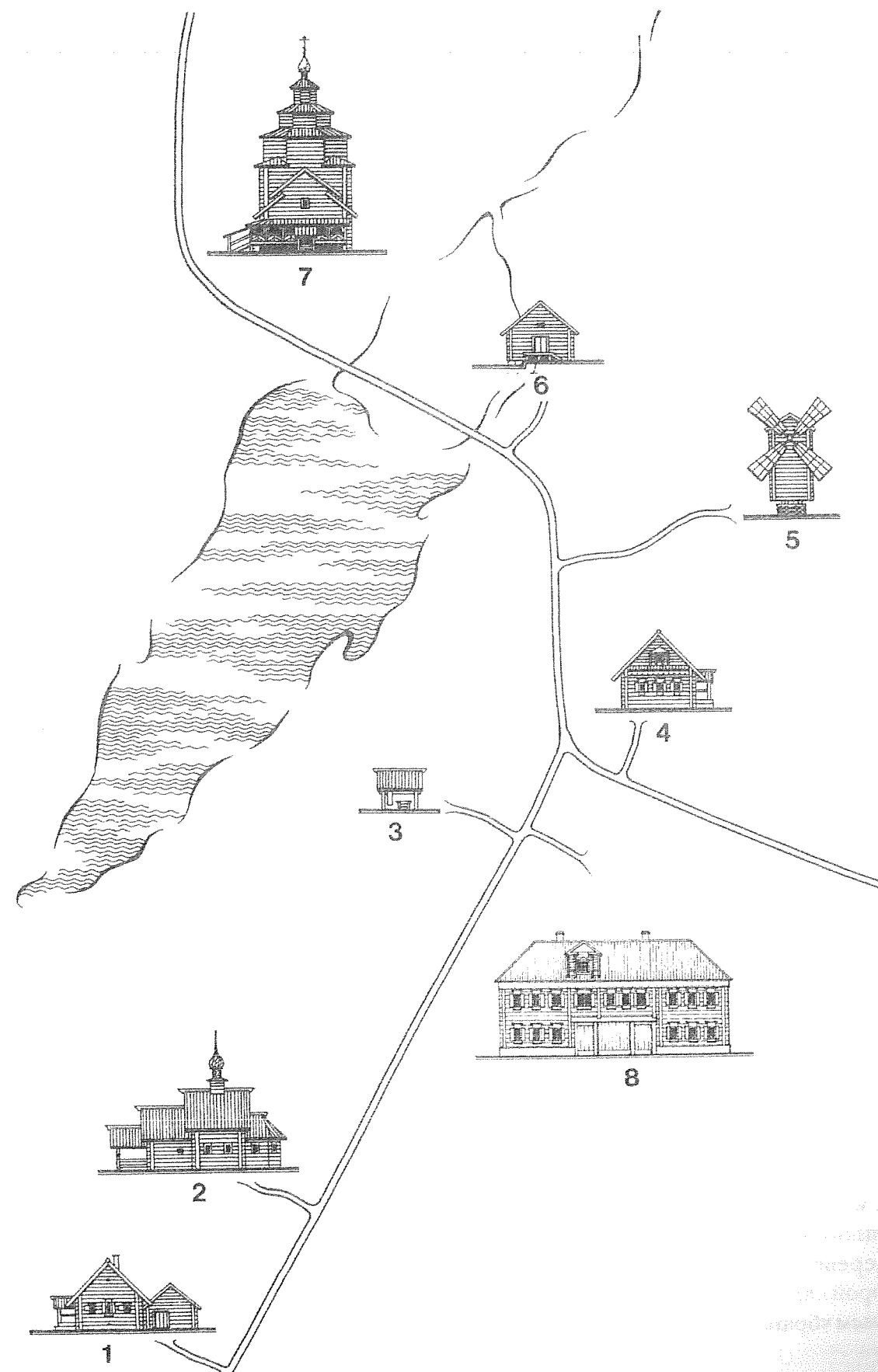
Первым из памятников народного зодчества, перевезенных сюда, стала Спасо-Преображенская церковь из села Вежи, известная с 1628 года, но претерпевшая перестройку после пожара в 1713 году. Как и баньки из деревни Ведерки, она когда-то стояла в пойме полноводной реки Соть, теперь же высится на своих огромных дубовых сваях не у воды, а внутри монастырских стен, что неизмеримо снижает эффект ее восприятия. И все же памятник производит неизгладимое, почти ошеломляющее впечатление, подобно кораблю с высоко поднятыми парусами царя над окружающим ее свободным пространством монастырского двора. Композиция храма предельно проста: повышенный четверик и трапезная окружены висящей на консолях галереей и вместе с алтарным

прирубом увенчаны крутыми клинчатыми кровлями. Их коньки подняты буквально на пределе технических возможностей срубных конструкций. Именно эти кровли, а отчасти и сваи, придают сооружению уникальный характер. Спасо-Преображенская церковь – своего рода итог многовекового развития наиболее традиционного клетского типа храмов с двускатными кровлями.

На хорошо обозримых местах основной территории музея поставлено еще несколько культовых сооружений. Спасо-Преображенская церковь из села Фоминское 1712 года построена всего за год до возобновления храма из села Вежи того же Костромского района. Их композиции во многом схожи, но первая из них меньше по размерам и, конечно, значительно уступает второй в выразительности своих форм. Двухэтажная церковь Ильи Пророка и часовня из деревни Притыкино свидетельствуют о распространении в этом крае в XVIII веке ярусных храмов, ведущих свое происхождение от южнорусской традиции. Необычен облик скромной часовенки XIX века, поставленной напротив жилых домов (первоначально она также стояла в центре села Большое Токарево). Ее низкий восьмигранный сруб покрыт пологой кровлей, опирающейся на столбики обходной галереи и увенчан небольшим шатриком. Она напоминает садовую беседку, от которой отличается лишь наличием главки.

Лежащая на скрещении путей с Севера и из Центра России, Костромская область богата памятниками, отражающими взаимовлияние северорусских и среднерусских культурных традиций. Большинство из собранных подлинных древних памятников в комплексе с прекрасными художественными и бытовыми экспозициями в их интерьерах предстают перед посетителями музея как ценные свидетельства богатейшей народной культуры большого региона страны.

VI. МУЗЕЙ АРХИТЕКТУРЫ И БЫТА НАРОДОВ НИЖЕГОРОДСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

На плане-схеме:

Экспозиция Северо-Западной (Поволжской) зоны:

1. Дом Салтыкова из деревни Кошелево Ковернинского района. Конец XVIII–начало XIX вв.

2. Покровская церковь из села Зеленова Городецкого района. 1794.

3. Колодец из Городца. Конец XIX–начало XX вв.

4. Дом Обуховой из деревни Ульяновко Городецкого района. Середина XIX в.

5. Мельница-толчея из деревни Петухово Городецкого района. Конец XIX в.

6. Водяная мельница с механизмами от мельницы из деревни Рябиновка Ковернинского района.

7. Покровская церковь из деревни Старые Ключицы Кстовского района. 1731.

8. Дом Павловой из деревни Раково Ковернинского района. Середина XIX в.

Музей расположен в зоне отдыха Нижнего Новгорода и открыт с 1973 года как филиал областного историко-архитектурного музея-заповедника. Предусматривалось, что в его пяти секторах будут собраны памятники различных этно-географических регионов области, причем экспозиция должна включать культуру не только русского населения, но и других народов (мордвы, марийцев, татар). Однако к нашему времени из отведенных 38 га музеем освоен главным образом участок у входа, где располагаются памятники русского народного зодчества из северо-западных районов, знаменитых своими художественными промыслами в Гордце, Семенове, Хохломе, Балахне.

В свое время П.И.Мельников-Печерский отмечал, что здесь «хлебопашество ... рука об руку с каким ни есть промыслом идет». Издавна на судостроительных верфях строились баржи, паузки, расшивы, украшенные затейливой глухой «корабельной» резьбой; местные мастера занимались бондарным промыслом, резали и раскрашивали посуду. В XIX веке нижегородские плотники и резчики создали особую школу народного деревянного зодчества, памятники которой славятся неповторимым декоративным убранством фасадов.

До XIX века крестьянское зодчество в этом крае развивалось в общем русле народной культуры России, живые традиции которой видны, в частности, в облике стоящего в музее жилого дома Салтыкова конца XVIII – начала XIX веков из села Кошелево. План дома принадлежит к издревле распространенному трехкамерному типу, известному по документам как «изба да клеть, да меж ними сенишка». Традиционен интерьер избы с русской печью, пристенными лавками и полавочниками, полатыми и «бабыим кутом». Но архитектура фасада уже сочетает старые традиции и новации XIX века. Эти новации появились, очевидно, при частичной перестройке дома, когда все окна (в том числе 4 волоковых – два на главном фасаде, два на боковом) были растесаны и украшены наличниками. Но самым важным стало изменение архитектуры самцовой кровли: его отесанные снаружи бревна создают впечатление тесового фронтона, что подчеркнуто скромным резным подзором, отрезающим его от стены, а также крохотным слуховым окном.

Параллельно жилой части дома, вплотную к нему лишь с небольшим отступом от линии уличной застройки, поставлен под своей двускатной кровлей хозяйственный двор, в который из дома можно пройти через сени. В подобном размещении жилой и хозяйственной частей жилища также прослеживается сочетание древних традиций и веяний нового времени.

Осформировавшемся к середине XIX века местном типе народного жилища яркое представление дает дом Обуховой из деревни Ульяновко. Принцип планировки сохранен прежний, но увеличено количество помещений. Однако, коренным образом изменился внешний облик дома. Нововведения, отмеченные в первом памятнике лишь скромными деталями, здесь нашли четкое выражение. Легкий тесовый фронтон, решительно от-

сеченный от стены развитым карнизом, скрывает стропильную конструкцию крыши. Очень характерны широкие карнизные доски, большой наличник тройного окна во фронтоне, крупные наличники со ставнями окон избы. В резьбе, сохранившей фрагменты полихромной росписи, много классических мотивов, своеобразно интерпретированных местными мастерами.

Богатая барочная глухая резьба с рисунками растительного орнамента, львами и фараонками покрывает карнизные доски, столбы-верей, наличники окон второго этажа на фасадах стоящего здесь же огромного дома Павловой середины XIX века из деревни Раково.

Интерьер избы Обуховой оборудован современной ей мебелью и утварью, отличающейся высокими декоративными качествами, свойственными местным изделиям благодаря развитию художественных промыслов. Одному из них – хохломской росписи – посвящена экспозиция в избе Салтыкова.

Большое внимание в музее уделяется сохранению хозяйственно-промысловых сооружений старой русской деревни. За жилыми домами и рядом с ними стоят амбары, скотные дворы, бани, гумна, овины, «ступальный» колодец. В них можно проследить всю сложную организацию хозяйства крестьянской семьи, включая технологию обработки зерна, хранения муки и других продуктов. Здесь же высится сруб ветряной мельницы на раме – толчеи для выработки кру-

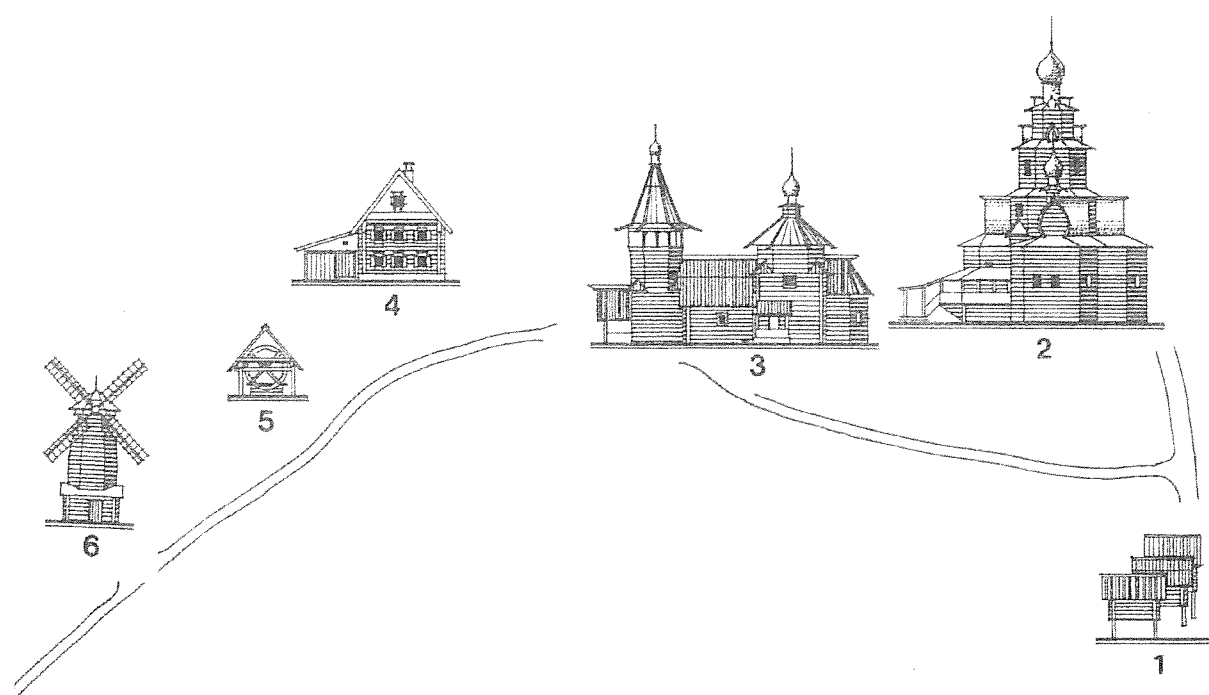
пы из деревни Петухово – последнее в области сооружение этого типа. Внутри сохранились механизмы, но из 6 крыльев восстановлено 4. Невдалеке укрыта в зелени, у ручья, водяная мельница, в которой представлен весь состав механизмов, обеспечивающих ее работу: снаружи это земляная плотина, водослив из бревенчатых венцов, мост и лоток для подачи воды на колесо с ковшами; внутри – жернова и толчеи. Имеется и станок для выделки дранки – самого дешевого и доступного кровельного материала. Уникальная конструкция мельницы вывезена из деревни Рябиновка.

Культовые памятники музея сравнительно скромны. Невдалеке от дома Салтыкова стоит небольшая клетская Покровская (кладбищенская) церковь 1794 года, в облике которой зодчим удалось добиться впечатления монументальности и значительности, несмотря на простоту ее форм.

За оврагом на холме высится церковь Покрова Богородицы 1731 года из села Старые Ключицы. Выразительна ее ярусная композиция; однако вблизи видно, что формы сооружения, претерпевшего перестройки, а затем капитальную реставрацию при перевозке в музей, отличаются почти полным отсутствием индивидуальной трактовки деталей.

Формирование музея идет медленно и его экспозиция в наше время демонстрирует лишь одну из страниц сложных исторических путей развития многонациональной культуры Поволжья.

VII. МУЗЕЙ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА И КРЕСТЬЯНСКОГО БЫТА В СУЗДАЛЕ

На плане-схеме:

На основной территории:

1. Амбары на сваях в пойме речки Каменки.
2. Спасо-Преображенская церковь из села Козлятьево Кольчугинского района. 1756.
3. Воскресенская церковь из села Патакино. 1776.
4. Жилой дом в однорядной застройке музейной «улицы». XIX в.
5. Колесный колодец.
6. Мельница.

Экспозиция памятников деревянного зодчества входит в состав Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Начало ее формирования относится к 1959 – 1960 годам, когда в западной части Суздальского кремля была установлена Никольская церковь 1766 года из села Глотово – один из лучших образцов клетского типа храма с клинчатыми кровлями (см. фото на с. 11).

Основная территория музея находится на возвышенном месте напротив кремля, за речкой Каменкой, и занимает участок площадью 4,5 га. В соответствии с генеральным планом здесь поставлены жилые дома, колесный колодец; на вершине холма высятся две ветряные мельницы, недалеко от них стоят лабаз и овины; у воды в ряд выстроились три небольших свайных амбара.

В свое время было признано нецелесообразным формирование в Суздале представительного (регионального) музея деревянного зодчества. Здесь стояла совсем иная задача – воспроизведение утраченного в позднее время фрагмента исторической застройки города, основные сведения о которой почерпнуты из письменных документов, плана города XIX века, археологических материалов. В древности на этом месте стоял известный с XI века Дмитровский монастырь, в ансамбле которого в XVIII веке выделялась главная монастырская церковь, бывшая по словам современника, «весьма огромной, высокой и превосходной». Рядом находилась небольшая слободка (Томилов переулок).

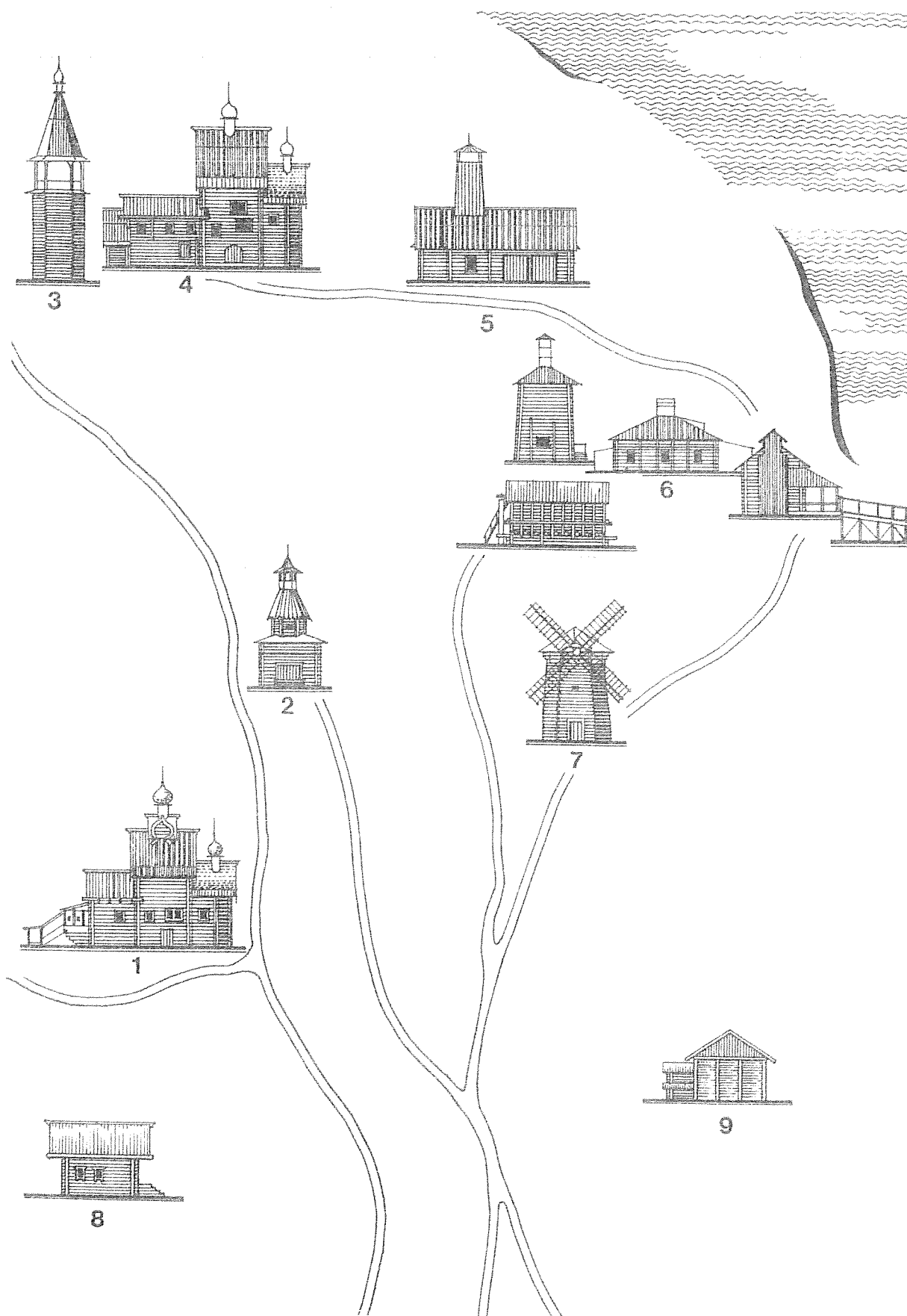
Вставшие по линии Томилова переулочка крестьянские дома перевезены из различных отдаленных районов области. Они имеют досчатые фронтоны, широкие окна с наличниками, заваленки и другие особенности, свидетельствующие о сравнительно позднем их происхождении. Карнизные доски и традиционные полотенца украшены резным декором, орнамент которых близок нижегородской школе зодчества. Широкий

ареал ее распространения объясняется тем, что Владимирский край лежит на перепутье между северо-западными землями Нижегородского Поволжья и Подмосковьем – центром притяжения многих ремесленных артелей.

Облик музея во многом определяется силуэтами стоящих на месте древнего монастыря двух храмов XVIII века. В основе композиции Спасо-Преображенской церкви 1756 года из села Козлятьево лежит живописное ярусное построение объемов: четверик увенчан убывающими по высоте восьмериками с крупной главой; прирубы завершаются островерхими бочками с главками. В этом центрическом пирамидальном построении сооружения сосуществуют древние приемы народного зодчества и более поздние мотивы эпохи расцвета стиля барокко. Второй храм – Воскресенская церковь 1776 года из села Патакино – один из примеров композиции «восьмерик на четверике» в ее позднем варианте. В архитектуре церкви нет той изысканности форм, которая присуща соседнему памятнику, но при всей простоте ее отличают мастерски выполненные детали, характеризующие индивидуальный «почерк» владимирских плотников-зодчих.

Видный исследователь Владимиро-Суздальского зодчества Н.Н.Воронин отмечал, что силуэт церкви из села Глотово «органически вписался в ансамбль кремля и Суздаля в целом», а храм из села Козлятьево «превосходно «прижился» к берегу Каменки, словно здесь и был построен». Условно воссоздающая фрагмент панорамы древнего города-музея экспозиция деревянного зодчества в Суздале еще раз напоминает о неразрывной многовековой связи и взаимовлиянии деревянного и каменного зодчества России. Компактно расположенный деревянный «городок» с машущими крыльями мельницами на его обочине хорошо виден приезжающему в город-музей Суздаль из Владимира.

VIII. ПЕРМСКИЙ АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ «ХОХЛОВКА»

На плане-схеме:

1. Спасо-Преображенская церковь из села Янидор Чердынского района (Северное Прикамье). 1702.
2. Сторожевая башня из села Торговище Суксунского района (Южное Прикамье). Копия 1905 года башни XVII в.
3. Колокольня из села Сыра Суксунского района (Южное Прикамье). 1781.
4. Богородицкая церковь из села Тохтарево Суксунского района (Южное Прикамье). 1694.
5. Пожарное депо из деревни Скобелевка Пермского района. Начало XX в.
6. Комплекс по добыче, выварке и хранению соли из Усть-Боровского завода в Соликамске. 1880-е гг.
7. Ветряная мельница из деревни Шихиры Очерского района. Середина XIX в.
8. Изба крестьянина из Коми-Пермяцкого автономного округа.
9. Гумно с овинном.

Музей деревянного зодчества находится в 40 км от Перми, на свободной территории у берега Камского водохранилища. Одной из его отличительных особенностей является уникальная гармония и слитность архитектуры и ландшафта. Надолго остается в памяти эпический пейзаж окрестностей, характерный для природы Предуралья. Музей открыт в 1981 году и постепенно развивается. На обширной территории площадью более 40 га свободно размещены великолепные образцы культовых, хозяйственно-промышленных сооружений и жилых построек прошлых веков.

Экспозиция ярко характеризует местные черты народного зодчества, о чем свидетельствует первая же перевезенная сюда изба Кудымова, пример одного из распространенных типов жилища, в котором коми-пермяцкие традиции сочетаются с приемами деревянного зодчества русского населения.

В художественном отношении наиболее ценными являются храмы. Богородицкая церковь 1694 года из села Тохтарево и колокольня 1781 года из села Сыра – памятники Южного Прикамья. Они возвышаются в верхней части плато, как бы замыкая перспективу раскинувшихся на склоне холма музейных сооружений. Несмотря на разновремен-

ность строительства и происхождение из разных сел, они составляют единый архитектурный ансамбль региона, где сельское деревянное зодчество вплоть до XIX века хранило прежнюю традиционность. Богородицкая клетская церковь высоко поднята на трехметровом подклете и увенчана клинчатой кровлей с небольшой главкой. Алтарный прируб завершает красивая в своих очертаниях бочка. Декор фасадов, так же как и интерьеров, лаконичен. Отдельные детали, например, косячатые двери с арочным завершением выполнены профессионально и с большим вкусом.

Спасо-Преображенская церковь 1702 года стояла в глухих лесах Северного Прикамья, в центре села Янидор, что по коми-пермяцки означает «божий дом». Видимо, церковь встала на месте древнего языческого святилища. Это тоже клетский храм на подклете, но облик его очень своеобразен. Стены сложены из отборных массивных бревен с большими выпусками на углах (рубка «в обло»), отчего фасады приобрели характер почти скульптурной пластичности. Наиболее выразителен алтарный пятигранный прируб, увенчанный большой бочкой с главкой. Над клинчатой кровлей основного четверика высится крестчатая бочка – основание для главки, придающая силуэту храма особую декоративность. Подобное завершение клетского храма – единственное в своем роде – принадлежит творчеству местных мастеров. Очень изящны резные орнаменты в виде жгутов и сережек, украшающие дверные косяки, резные подзоры скамей; необычны «царские врата» алтарной преграды, повторяющие конструкцию косячатых дверей.

Памятником, напоминающим о далеких немирных временах освоения русскими землепроходцами Предуралья, служит единственная сохранившаяся в крае башня из села Торговище, где когда-то стоял один из малых острожков. В

XVII веке он сгорел и до 1899 года сохранилась одна из его башен, которая тоже сгорела. Местные плотники тогда же воспроизвели ее формы с доступной для них точностью. Но, конечно, детали выдают позднее время строительства.

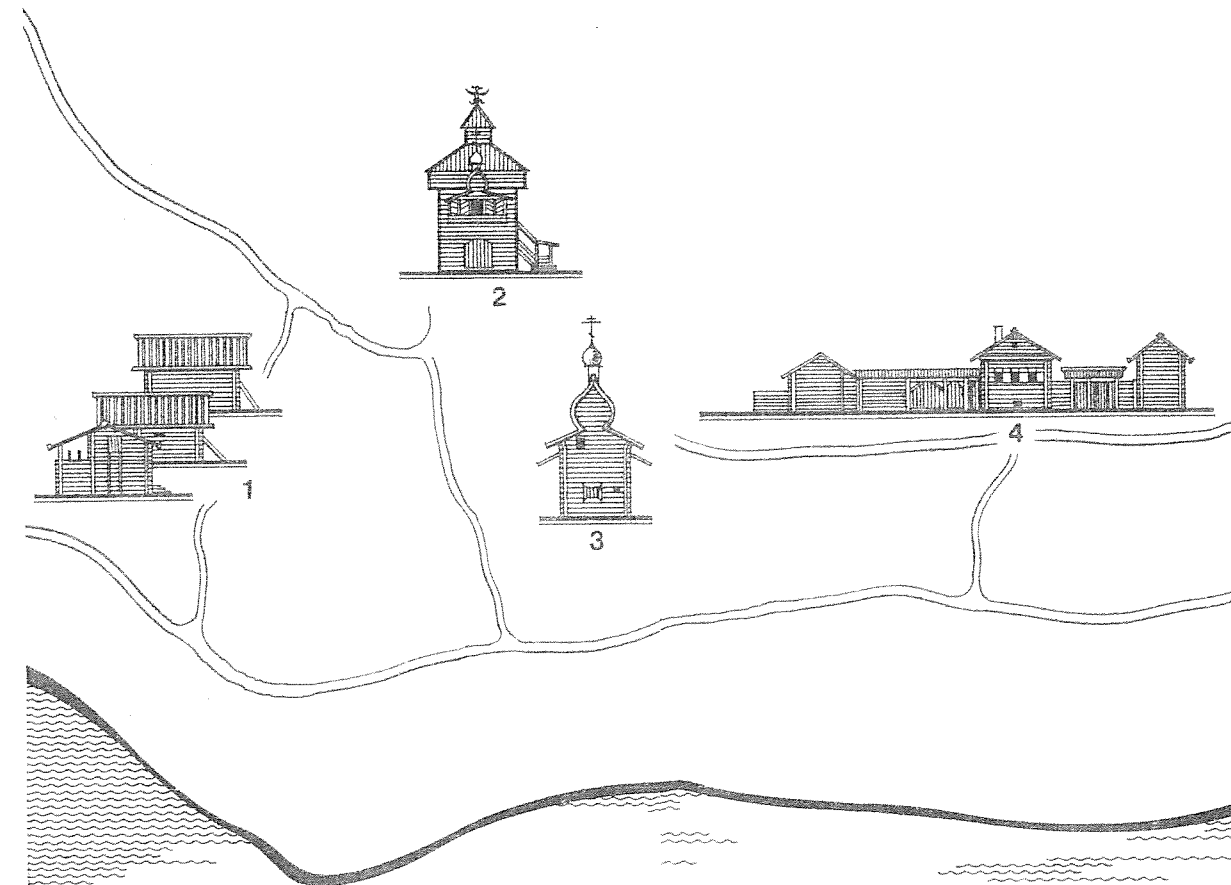
Часть построек музея происходит из окрестных сел (амбар, пожарное депо). Другие доставлены издалека. Привлекает внимание огромная ветряная мельница с полностью сохранившимся механизмом, вывезенная из деревни Шихири. Одним из самых ценных сооружений музея является комплекс по добыче, выварке и хранению соли, стоящий у берега водохранилища.

Добыча соли входила в число традиционных промыслов на Руси. Постепенно солеварение переместилось из новгородского Заволочья, с берегов Вычегды и других более мелких месторождений в Прикамье, где начало развиваться с XV века. В древности, когда соль добывали неглубоко из-под земли, раствор черпали бадьей из укрепленного срубом колодца или просто через долбленные из мощных стволов дерева трубы. Их еще не так давно можно было видеть в крестьянских хозяйствах Севера и в Прикамье. Но со временем, когда пришлось осваивать глубокие пласты, добыча соли значительно усложнилась. Постепенно сложились « типовые » сооружения: рассолоподъемные башни, лари для хранения рассола, рассолопроводы, варницы, амбары, эстакады для перегрузки соли на ладьи и насады. Их строили артели плотников, к XVII – XVIII векам до мелочей выработавшие наиболее целесообраз-

ные формы построек и судов. Все сооружения были только деревянными без применения железа, корродирующего от прикосновения с солью. Лишь буровой инструмент и жаровни-«цирены» были железными. Соль-«пермянка» всегда считалась в России лучшей.

В Соликамске, где сохранились сооружения работавшего с 1882 по 1972 годы Усть-Боровского завода, организован Музей соли. Сюда же, в Хохловку, учитывая представительный характер областного музея, перемещены отдельные сооружения «варничного двора», дающие представление о полном цикле работ. Глухая рассолоподъемная башня напоминает древние крепостные сооружения. Наиболее ярко талант местных строителей проявился в конструкции и технологическом оборудовании варниц: изобретенная ими система так называемых наслонных стропил дала возможность трансформировать древние небольшие варницы в центрические сооружения площадью до 400 кв.м, свободные от опорных столбов. Это позволило установить большие жаровни, ускорившие процесс выварки соли. Мощные срубы построек производят сильное впечатление. Здесь убеждаешься в непреходящей ценности памятников промышленной архитектуры, созданных в народных традициях. Становится очевидной ограниченность возможностей их показа в виде уменьшенных копий в залах обычных музеев. Сохранение подлинных сооружений Усть-Боровского завода – вклад в сокровищницу не только истории пермской архитектуры, но и в целом русского деревянного зодчества.

IX. ИРКУТСКИЙ АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ «ТАЛЬЦЫ».

На плане-схеме:

В русском секторе:

1. Каскад водяных мельниц из деревни Владимировка. XIX–начало XX вв.
2. Спасская башня Илимского острога. 1667.
3. Часовня Казанской иконы Божьей Матери из Илимска. Вторая половина XVII в.
4. Однорядная застройка музейной «улицы».

Музей формируется с середины 1960-х годов на берегу водохранилища, затопившего берега Ангары, в 47 км от Иркутска по старинному Байкальскому тракту. На возвышенном плато площадью 50 га предусмотрено размещение архитектурных комплексов русского, эвенкийского, бурятского, тофаларского населения. Музей открыт в 1980 году. Первыми были перевезены памятники русского народного зодчества, происходящие с берегов реки Илим.

Побудительным импульсом рождения музея была необходимость вывоза сооружений из зоны затопления Усть-Илимской ГЭС, выявленных комплексными экспедициями Сибирского отделения АН СССР и Иркутского областного краеведческого музея. Но внутренние причины создания в области музея под открытым небом кроются в неисчислимом богатстве архитектурного наследия огромного региона Восточной Сибири. «Страна Илимская», освоение которой русскими началось в первые десятилетия XVII века, в силу оторванности от центральных регионов сохраняла до наших дней древнейшие традиции сложившейся здесь своеобразной местной культуры.

С верхней точки плато открывается великолепная панорама на окрестности музея: гряды лесистых сопок, окаймляющие водную гладь. На склоне холма, удачно используя рельеф местности, установлен каскад из трех водяных мельниц, оригинальный вариант целой системы «вододействующих механизмов».

В музее воссоздана протяженная однорядная застройка крестьянских усадеб, фасадами обращенных в сторону берега, к югу. Для большинства характерна наиболее распространенная в крае планировка, при которой жилой дом фланкируется со стороны улицы торцами хозяйственных построек, охватывающих по периметру весь участок усадьбы. По одну сторону от дома ворота ведут на парадный двор и оттуда к крыль-

цу, по другую – на хозяйственный и скотный дворы. Оформление парадного «чистого» двора отличается особой тщательностью: он нередко выстлан из колотых и остроганных плах водостойких пород древесины, а архитектура его построек не уступает, а иногда и превосходит оформление фасадов самого дома (это двухэтажные амбары с ажурными парапетами галерей и лестниц). Встречается местный вариант кровли хозяйственных построек, когда вместо теса уложены «в разбежку» расколотые вдоль с выдолбленными сердцевинами бревна, нижние желобами вверх, верхние желобами вниз.

Большинство домов лишено подклета. Редко встречаются высокохудожественные резные детали фасадов. Секрет обаяния изб Приангарья, как и всего Восточно-Сибирского края, нельзя искать в отрыве от усадебных комплексов в целом. Его источником является зрительная общность всей застройки, ее сомасштабность, достигнутая благодаря применению мощных бревенчатых срубов или их условного повторения (в досчатых заплотах). Это органическое сочетание архитектуры основных зданий и «малых форм» производит впечатление истинной гармонии. Структура жилых домов предельно проста. Чаще всего это известные с глубокой древности трехкамерные постройки, где изба и горница соединены сенями.

Самым древним сооружением музея является воротная Спасская башня Илимского острога 1667 года, памятник того времени, когда Илимск стал центром большого воеводства. Острог принадлежал к числу наиболее крупных сибирских крепостей XVII века. Протяженность его стен, по данным описи начала XVIII века, имевших «столбы и переклады», составляла более 700 м, высота – 4 м. Из 8 башен сохранилась только одна, стоявшая в середине западной крепостной стены. Основа конструкции боевой

башни – высокий квадратный в плане сруб, над которым нависает более широкий верхний сруб, имеющий щели в полу для поражения противника горячей смолой или кипятком. Фасады башни, обращенные в сторону дороги из первой столицы края – Енисейска и внутрь острога, имеют надвратные часовни, нависающие над проездом и основанные на длинных бревенчатых консолях.

Илимский острог – памятник не только народного зодчества XVII века, и даже не только истории освоения Сибири русскими землепроходцами. В нем находился в заточении писатель-революционер А.Н. Радищев, что сообщает ему дополнительную историческую ценность.

Илимск стал вторым после Мангазеи древним городом Сибири, тщательно изученным археологами, которые уточнили его планировку, обнаружили водопровод и остатки старых, в том числе и крепостных сооружений. Поэтому одним из перспективных направлений развития музея является предложение о воспроизведении общих контуров, а возможно и частичное воссоздание сооружений острога на основании материалов, полученных при его исследовании, письменных и графических документов.

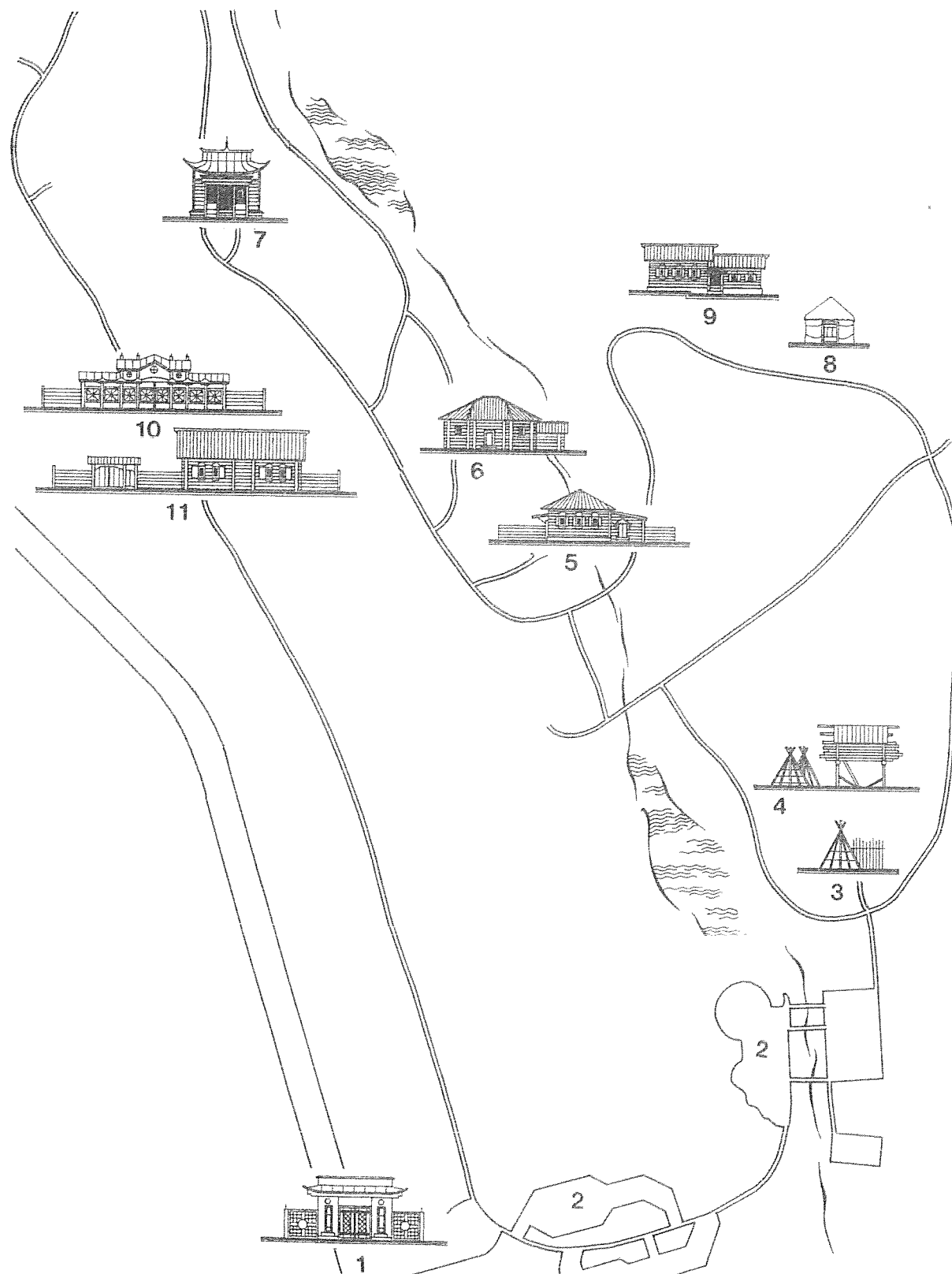
Подлинным шедевром творчества народных мастеров предстает един-

ственное культовое сооружение в музее – часовня Казанской иконы Божией Матери из Илимска, документально известная с 1679 года. Небольшой сруб увенчан мощным бревенчатым повалом, несущим широкие полицы, над которыми возвышается огромная бочка, крытая вместе с главкой чешуйчатым лемехом. Живописный ступенчатый силуэт особенно остро воспринимался от главной дороги на Илимск. Ряд примененных здесь строительных приемов не имеет аналогий в других сохранившихся памятниках.

Ансамбль часовни и Спасской воротной башни острога является по сути единственным дошедшим до нас подлинным фрагментом тех великолепных панорам, которые были характерны для первых городов Сибири и известны ныне только по их изображениям на рисунках и чертежах XVIII века.

(К настоящему моменту музей расширил свою территорию и успешно формирует экспозицию: собран ряд памятников аборигенного населения края, дополняется новыми усадебными комплексами застройка «русской деревни», частично воссоздан западный фасад крепости Илимска – острожная стена и угловая башня. Э.Д.)

Х. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ НАРОДОВ ЗАБАЙКАЛЬЯ В УЛАН-УДЭ

На плане-схеме:

На основной территории:

1. Вход в музей.
2. Археологический комплекс.
- 3, 4. Эвенкийский комплекс: чум шамана, стойбище, охотничий лабаз.
- 5, 6. Предбайкальский бурятский комплекс: усадьба и бревенчатая юрта.
7. Дуган Деважин.
- 8, 9. Забайкальский бурятский комплекс: решетчатая-войлочная юрта и изба-зимник.
- 10, 11. Старообрядческий комплекс: резные ворота усадьбы из села Новая Брянь и однорядная застройка музейной «улицы».

Основанный в 1968 году и открытый в 1973 году музей занимает обширную территорию площадью около 100 га в ближайшем пригороде Улан-Удэ. Это живописная равнина, окаймленная отрогами хребта Улан-Бургасы, частично покрытая хвойным лесом, образующим удобные для экспозиции зеленые кулисы. Часть территории отдана отделу природы, где широко известные или редкие представители местной фауны содержатся в условиях, близких к национальным паркам.

Раскинувшийся к востоку от Байкала огромный край служил колыбелью многих народов, в течение столетий сменявших друг друга. Постепенно из пестрого конгломерата выделились две основные местные этнические группы – степняки-скотоводы буряты и таежные охотники эвенки. В XVII – XIX веках последовало несколько волн массового притока в Забайкалье русского населения. Многообразие природы в сочетании с богатейшей историей и сложным этническим составом населения определили многопрофильный характер экспозиции, расчлененной на ряд секторов.

Неподалеку от входа расположен археологический сектор. Возраст стоящих здесь памятников исчисляется порой многими столетиями и тысячелетиями. Это остатки родового жилища эпохи палеолита, небольшой шалаш времени неолита, отдаленно напоминающий позднейшие чумы, «плиточные» могиль-

ники с «моленными» и «сторожевыми» камнями бронзового века, украшенные солярными знаками или изображениями фантастических существ, входившие в ритуальные комплексы захоронений. Экспонируются фрагменты петроглифов, своеобразных памятников первобытной магии, направленной на приумножение скота (основного источника существования племен, пасших свои стада в степях Забайкалья 2 – 3 тысячи лет назад). Вызывают интерес полуземлянки времени хунну (гуннов) и захоронение знатного хунну в виде подземного «дворца» площадью около 270 кв.м. Завершают экспозицию археологического сектора памятники поздних кочевников, могильники уйгуров и курыкан – местных племен тюркского происхождения.

Земли по берегам Байкала издавна считаются прародиной эвенков, поэтому один из основных секторов посвящен их традиционной культуре. Собрать памятники стоило больших усилий, так как они сохранились в полуистлевшем виде лишь в самых отдаленных уголках глухой тайги. Впервые в практике музеев под открытым небом России здесь решались методические вопросы воспроизведения по подлинным образцам копий сооружений из таких непрочных материалов, как древесная кора, войлок, звериные шкуры.

Эвенкийское стойбище поставлено традиционно в окружении соснового бора на берегу ручья. В XIX веке эвенки перешли на двухразовую (в год) смену места жительства, поэтому чумы делятся на зимние и летние. Зимние чумы покрыты лосиными шкурами или корьей, летний сделан из бересты. Внутри в центре расположен очаг, есть почетное место для гостей, по его сторонам – женская и мужская половины дома. Поодаль стоит чум шамана в окружении изображений зверей и рыб, представлявших эвенкам участниками ритуального обряда. Они позволяют в какой-то степени

проникнуть в труднодоступный для современного человека мир шаманизма, которому лесные народы Сибири были подвластны на протяжении многих столетий.

Большие лабазы на высоких сваях с приставными досками-лестницами и малые навесы, прикрепленные к деревьям, служили хранилищами продуктов. Здесь собрано самодельное охотничье и рыболовецкое снаряжение, короба и туеса, лодка-долбленка, оленье седла, широкие лыжи... Украшенные инкрустацией из кожи и меха, расшитые бисером предметы обихода свидетельствуют о большом художественном таланте эвенков, не терявших тяги к прекрасному даже в самые тяжелые времена экономического упадка народа в начале XX века.

Традиционная культура бурят демонстрируется в двух секторах в связи с различием в образе жизни и верованиях их западных (предбайкальских или иркутских) и восточных (забайкальских) предков. В секторе забайкальских бурят стоят решетчато-войлочные юрты, максимально приспособленные к перекочевкам. Здесь все предельно функционально и соразмерно. На решетчатые секции-границы опирается коническое перекрытие, основанное на видимых изнутри шестах, сходящихся в центре, у дымового отверстия. Центральное место занимает очаг с таганом-подставкой для котла. На женской половине виднеются шкафы с небьющейся посудой (из дерева, бересты, металла). Дверь всегда обращена к югу, поэтому луч солнца, скользя по предметам внутри юрты, давал возможность определять время суток. Это были своего рода «солнечные часы». Деревянные конструкции перекрытия, мебель, дверь – все ярко раскрашено, благодаря чему полутемное пространство жилища приобретает нарядный облик.

В XVIII веке забайкальские буряты стали переходить к полuosедлому обра-

зу жизни, широко применяя срубные конструкции для возведения стационарных деревянных юрт и изб с амбарами. Однако организация внутреннего пространства оставалась традиционной для кочевников. Стоящие у домов коновязи-сэрге подчеркивают важную роль в жизни бурят коня. Особенно ценились украшенные своеобразным местным орнаментом седла и сбруи.

Буддизм (в его северном варианте – ламаизм), проникший в Забайкалье из Тувы и Монголии в конце XVII века, оставил здесь памятники, один из которых – малый храм-дуган Деважин из Гусино-островского дацана середины XVIII века – перемещен в музей. Декоративное убранство дугана в виде орнаментальной раскрашенной резьбы украшает крыльцо, портал, наличники окон на главном фасаде. О других образцах ламаистской архитектуры Бурятии XVIII – начала XX веков рассказывает экспозиция в интерьере дугана.

В секторе западных бурят нет передвижных юрт. Здесь традиционным является строительство бревенчатых многоугольных юрт с уплощенными выпусками-остатками на углах. Летние юрты имеют различные местные конструктивные особенности: встречаются юрты с дымовыми отверстиями, основанные на столбах, но есть и безопорные системы перекрытия. В северо-западном углу юрт размещалась божница – «охранителями» домашнего очага служили звериные шкурки, атрибуты шаманизма. Зимние дома западных бурят мало чем отличались от русских изб.

Первые отряды казаков появились в районе Байкала более 300 лет назад, но от их небольших крепостей не осталось и следа. В поселениях-починках вначале ставили наспех главным образом курные избы-четыrehстенки с окнами-щелями, затянутыми брюшиной, рыбьим пузырем или даже холстиной, пропитанной смолой. Лишь по мере развития и

налаживания хозяйства формировались усадьбы служилых казаков, пашенных крестьян, промысловиков, образцы которых включены в экспозицию сектора «старожильческого» населения края.

Особый музейный комплекс посвящен культуре старообрядцев («семейских»), появление которых в Забайкалье относится к середине XVIII века. Среди усадеб, составляющих фрагмент одноурядной уличной застройки, интересен дом 1864 года из села Барыкино, сохранивший особенности древнерусского жилища. Большими размерами выделяется двухэтажный дом-шестистенок из села Куйтун, в котором подклет использовался под торговые помещения. Нарядной измельченной полихромной накладной резьбой отличаются ворота из села Новая Брянь. Но, пожалуй, наиболее ценной в архитектурном отношении является усадьба из села Надеино. Жилой дом обращен к улице продольной стороной (изба, горница и сени между ними), окна украшены резными наличниками с глухой резьбой, воспроизводящей барочные мотивы, и ставнями с по-

лихромной росписью в виде стилизованных цветов, птиц и оленей. Многоцветье характерно и для интерьера старообрядческого жилища, где самодельная мебель, печье, посуда, одежда имеют яркую раскраску.

В музее формируется городской комплекс, но эклектичный характер архитектуры его экспонатов воспринимается как чужеродный элемент рядом с глубоко народными формами зодчества других секторов. Очевидно, более целесообразным было бы создание музея-заповедника «Старый Верхнеудинск» в самом Улан-Удэ.

Своевременный сбор теперь уже практически утраченных образцов различной хозяйственно-промысловой деятельности бурят, эвенков и русских позволил раскрыть в экспозиции многообразные местные особенности земледелия, скотоводства, рыболовства, охоты, золотоискательства, проследить взаимобмен опытом этих народов. Эта экспозиция музея, как и собранные в нем памятники археологии и архитектуры, поистине уникальна.

XI. АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ «АНГАРСКАЯ ДЕРЕВНЯ» В БРАТСКЕ

На плане-схеме:

1. Застройка «улицы» в русском секторе.
2. Кузница.
3. Башня Братского острога. 1652–1654.
4. Двухъярусный зерновой амбар «мангазея».
5. Охотничий лабаз.
6. Эвенкийский сектор.

Экспозиция «Ангарская деревня» организована Братским краеведческим музеем вблизи старинного тракта Братск – Илимск, на участке площадью около 20 га. Центральная зона музея посвящена культуре русского населения Приангарья. Здесь воспроизводится традиционная застройка поселения с характерной планировкой усадеб, имеющей два варианта. В одних случаях жилой дом окружен хозяйственными постройками, образующими парадный и хозяйственный дворы с двух его сторон; в других двор расположен сбоку от дома. Но в обоих случаях образуются замкнутые пространства, ограждавшие усадьбы от нередко бушующих здесь ураганных ветров. Структура и облик сооружений, составляющих усадебные комплексы, в целом схожи с подобными памятниками Иркутского областного музея под открытым небом «Тальцы». В частности, чисто сибирский характер имеют такие особенности строительства, как использование для покрытия навесов долбленых полубревен и применение даже на сравнительно небольших постройках мощных стволы для охлупней и потоков традиционных тесовых кровель, выстилка парадных дворов тесом.

Между музейной «улицей» и берегом тянутся огороды и поскотина, на берегу виднеются баньки, топившиеся по-черному. Хлебное поле как бы напоминает о том, что длительное время этот край был житницей большого региона Восточной Сибири. Фрагмент сельской застройки дополнен кузницей, общинным амбаром, охотничьими зимовьями.

Самым значительным памятником музея является южная башня Братского острога, перенесенная сюда при строительстве водохранилища и положившая начало формированию экспозиции. Братский острог принадлежал к числу небольших крепостиц, как писали в документах XVII века – «по малой статье», то есть рассчитанных на сравнительно

малочисленный гарнизон. Основанный в 1631 году, он в 1652–1654 годах был перенесен на новое место, на высокий берег Ангары. Из его 4 угловых башен были «под тремя башнями три избы, четвертая порожняя, да ворота проезжие. На воротах поставлена часовня да амбар новый рубленый с перерубом трех саженей...» Амбар служил, как и в других острогах, хранилищем для «ясачной, денежной и товарной казны». При внимательном сравнении двух сохранившихся башен – в Братске и в музее-заповеднике Коломенское – установлены отдельные технические различия в их срубках, но в целом их устройство идентично. Это типичные для деревянного оборонного зодчества XVII века в Сибири сооружения, где соединены военные и жилые функции. Глухие стены с волоковыми окнами, утепление пазов между бревнами мхом, гладко остроганные внутри стены, печи – все говорит об использовании первого яруса башен под жилье, отапливавшееся по-черному.

Братский острог – едва ли не самый ранний из памятников, связанных с историей сибирской ссылки. В одной из его башен, в лютый мороз «что собачка в солодке» томился в заточении глава раскола православной церкви «неистовый» протопоп Аввакум, оставивший нам поэтически-вдохновенное описание восточно-сибирского пейзажа на страницах своего «Жития». В музее зарезервировано место для воссоздания Братского острога.

В северной части музейной территории расположен эвенкийский сектор, состоящий из зимнего и летнего стойбищ. Здесь кроме чумов собраны охотничьи лабазы, коллекции орудий охотничьего и рыболовецкого промыслов, разного типа захоронения. Уникальным по сохранности памятником является своего рода шаманская «лечебница», где стоят ритуальные постройки, наполненные обрядовыми предметами.

XII. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ШУШЕНСКОЕ»

На плане-схеме:

1. Дом А.Зырянова.
2. Дом Лучинского.
3. Изба крестьянина-сапожника.
4. Дом Урбана с славкой.
5. Волостное правление и острог.
6. Дом П.Петровой.

Музей-заповедник создан к 100-летию со дня рождения В.И.Ленина и открыт 12 апреля 1970 года.

Годы сибирской ссылки (1897 – 1900) стали для В.И. Ленина временем огромного творческого подъема. В крестьянской избе, при тусклом свете керосиновой лампы им создано свыше 30 произведений. В.И.Ленин общался здесь с другими ссыльными, а также широким кругом жителей села и окрестных деревень. Все это определило необходимость воссоздания в музее-заповеднике правдивой историко-социальной и бытовой обстановки. Поэтому при его формировании была поставлена задача восстановления фрагмента застройки старого Шушенского. Произведения народного зодчества предстают здесь не самоценно, а как архитектурно-этнографическая среда мемориальных памятников.

Шушенское – одно из ранних русских поселений в верховьях Енисея. В XVIII веке оно быстро разрослось и около 1822 года стало волостным центром. После определения на поселение сюда двух декабристов П.Фаленберга и А.Фролова село на долгие десятилетия превратилось в постоянное место политической ссылки. В отличие от живописных дальних окрестностей, раскрытых на широкие степные просторы и кулисы заснеженных вершин Саянских гор, само село, как отмечал В.И.Ленин, было местом на редкость унылым, лишенным садов и вообще растительности. Между тем в советское время оно стало бурно развивающимся районным центром, что коренным образом изменило его облик. Заасфальтированные улицы были обсажены деревьями и освещены люминисцентными светильниками, устроена на-

бережная реки Шуши с парадным сходом к воде и т.д. В кварталах, примыкающих к двум мемориальным памятникам, связанным с именем В.И.Ленина, многие жилые дома и большинство надворных построек было перестроено или вовсе утрачено. Это создавало превратное представление о подлинных условиях, в которых протекала жизнь ссыльных.

При воссоздании архитектурно-этнографической среды в музее-заповеднике главным стало достижение высокого уровня ее исторической достоверности. Успешному решению этой задачи способствовали исходные материалы, сбор которых шел по нескольким направлениям: изучались здания, сохранившиеся на своих местах и требовавшие реставрации; проводился опрос старожилов; путем археологических раскопок исследовались следы и фрагменты исчезнувших построек; учитывались архивные данные, среди которых важнейшими оказались фотографии, запечатлевшие Шушенское до перестройки многих сооружений. Наконец, очень результативным стало экспедиционное обследование более чем 40 окрестных сел, где были выявлены местные особенности крестьянского зодчества, а также определены памятники для перевозки в музей-заповедник. Они заменили собой утраченные постройки, близкие им по времени строительства, облику и размерам. В результате, наряду с реставрацией сохранившихся на месте 17 изб и 15 флигелей и надворных построек, был воссоздан фрагмент старого Шушенского, включающий в себя на площади 6,6 га около 200 построек.

Дом А.Д.Зырянова, в котором В.И.Ленин поселился по приезде в Шушенское, широко известен по многочисленным воспроизведениям в литературе. Монолит его массивного сруба сложен из могучих, отливающих старым золотом бревен. Единственным украшением фаса-

дов служат наличники окон с перьевидным резным орнаментом в венчающей части и тонкой порезкой карниза, характерные для местного зодчества. В мемориальной комнате обстановка предельно проста. Детально восстановлена вся усадьба. Во дворе можно увидеть флигель для работников, конюшню, баню, колодец-журавель, амбар-загон для скота, навес для хранения саней, телег, лодок. В экспозиции отражен характер занятий владельца усадьбы, который сдавал помещение для приезжих и занимался извозом.

Второй дом, где В.И. Ленин и Н.К. Крупская прожили до отъезда в Россию, стоит на берегу Шуши. Его владелицей была П. Петрова, вдова крупного скупщика хлеба, сплавлявшего его на баржах в понизовые земли Енисейского края. Очевидно, его широкими связям можно объяснить характерный облик фасадов дома, в которых все напоминает о городской стиливой архитектуре: плотная обшивка, имитирующая штукатурку; членение цоколя горизонтальными тягами; венчание окон сандриками; приземистые колонны, поддерживающие навес парадного крыльца. Рядом с домом для организации хлебных откупов выстроены флигель для работников и большие амбары. Документально восстановлены интерьеры дома. Через парадное крыльцо, перед которым Н.К. Крупская и ее мать разбили скромный цветник, можно пройти в комнаты ссыльных, где царит почти спартанская обстановка. А на хозяйской половине воспроизведена бытовая среда в прошлом зажиточной, но разорившейся семьи местного предпринимателя.

На главной улице старого Шушенского высится здание волостной управы и внушительный тюремный «замок», есть обязательный для волостного центра кабак. В расположенной в доме местного богача Урбана лавке выставлены типичные для того времени товары. Рядом с домом Урбана – скромная, ничем не ук-

рашенная изба-пятистенка с крохотным двориком, где стоят амбар, кладовая и имеется навес. Охотничий инвентарь напоминает о том, что с мастеровитым хозяином этого дома В.И. Ленин любил ходить на охоту. А напротив, на углу двух улиц, приютился совсем небольшой дом-четырёхстенка местного сапожника. Экспозиции в интерьерах еще двух домов демонстрируются как образцы крестьянского быта. Тщательно восстановлена обстановка мемориальных комнат в домах, где жили ссыльные рабочие О.А. Энгберг и И.Л. Проминский.

Поселения Минусинской котловины, в число которых входит и Шушенское, заселялись в XVIII – XIX веках выходцами из разных регионов России, но благодаря специфическим условиям Саянских предгорий здесь сложился ограниченный круг типов жилых усадеб, которые можно увидеть в музее-заповеднике. Хозяйственные постройки на усадьбах отделены от жилого дома и ставятся по периметру двора. Наряду с традиционными русскими избами, четырех- и пятистенками, распространена крестовая изба – четырехкомнатный дом с внутренним крестообразным в плане перерубом, как в доме А.Д. Зырянова. Применение при строительстве жилых домов и хозяйственных построек единообразного материала – могучих стволов лиственницы или сосны – придает всей застройке монументальный, чисто сибирский характер. Леса здесь не жалели. Почти все сооружения крыли широким лиственничным тесом, лишь изредка – камышом или соломой. Иногда применяли своеобразную бесстропильную конструкцию, воспринятую от хакасских и тувинских зимовий, при которой коньковый брус кровли кладется на «козла» или корневище.

Памятники Шушенского представляют не только исторический и этнографический интерес. Фасады жилых усадеб украшены подчас великолепной глухой

резьбой, очень характерной для народного строительства в этом регионе на юге Сибири. Это главным образом наличники окон, карнизные доски, полотнища ворот. Распространен «солнцеобразный» орнамент, который можно увидеть на воротах Дома Урбана. Часто встречаются накладные детали в виде розеток или перьевидных горизонтально расположенных композиций, напоминающих стилизованные листья папоротника. Последние украшают наличники Дома А. Зырянова. Встречаются также карнизные доски с волнообразным орнаментом в виде системы повторяющихся завитков-«волот». С этой точки зрения наибольшее внимание привлекают фасады Дома Лучинского, расположенного напротив Дома А. Зырянова.

Стоят на улицах старого Шушенского избы, большие и малые, богатые и бедные. Улицы, как прежде, не имеют мощения и лишены зелени, заплоты наглухо отгораживают дворы от постороннего глаза. На берегу Шуши, за жердевой изгородью, стоят стога сена, в огородах склоняются золотые диски подсолнухов. Восстановленный на основе подлинных памятников народного зодчества, Шушенский музей-заповедник предстает перед посетителем как редкий по своей целостности фрагмент застройки

ки южно-сибирского села конца XIX века.

Характер ближайшего окружения музея-заповедника двойственен. Со стороны Шуши это естественный природный ландшафт поймы реки, с другой стороны к нему слишком близко подступает многоэтажная типовая застройка, возникшая одновременно с музеем-заповедником. Шушенское окружено множеством памятных мест. Это Журавлиная и Песчаная горки, березовая роща, дупелиное болото с Серовым озером. Невидимые нити тянутся в соседние Минусинск, Ермаковское, Тесь, где сохранились здания-памятники, связанные с мемориальной темой музея-заповедника. Сфера его влияния широка и многообразна.

(Со времени создания Шушенского музея-заповедника прошло более 30 лет. Он успешно развивает этнографическую и историко-художественную тематику: работают кружки, выставки, фольклорный ансамбль, привлекая к себе внимание местной молодежи, художников, народных умельцев. Великолепные окрестности Шушенского получили статус национального парка «Шушенский бор», где организуется автобусный маршрут «Саянское кольцо». Э.Д.)

Перечень основной литературы и архивных материалов

1. Работы Б.В. Гнедовского (1980-е гг.):

Методические рекомендации для подготовки предпроектной документации и проектирования музеев под открытым небом. Ч.1-2. -М., 1983. Имеется библиография за 1963-1981 гг. (№1-25). Архив Института Спецпроектреставрация Министерства культуры РФ.

Аннотированный перечень музеев под открытым небом РСФСР архитектурно-этнографического и историко-мемориального типов, созданных с помощью «транслокации». -М., 1983. Архив Института Спецпроектреставрация.

Музеи под открытым небом (теоретические проблемы и практика формирования). -М., 1984. Рукопись. Архив автора.

Б.В. Гнедовский, Э.Д. Добровольская. Музеи под открытым небом в СССР: развитие принципов формирования структуры. -М., 1987. 41 с. (Сер.: Музейное дело и охрана памятников. Обзорная информация. Вып. 2 (НИО «Информ-культура»). Гос. Библиотека им. Ленина СССР). Имеется библиография за 1963-1986 гг. (№1-139).

2. Из публикаций 1987-1999 гг.:

Т.И. Вахрамеева. Создание Пудожского сектора (Восточное Обонежье) в мезе-заповеднике «Кижи» // «Архитектурное наследие и реставрация. Москва, 1986». -М., 1987. С. 172-188.

О.Г. Севан. Малые Корелы. Методика проектирования и проблемы формирования музея деревянного зодчества. // Архитектура СССР, 1990, №3, с. 95-99.

О.Г. Севан. Сохранение, освоение и использование историко-культурного наследия в сельской среде. Научно-методические рекомендации. -М., 1990.

М.Б. Гнедовский. Тайны под открытым небом. (Музей в Варъегане). // «Мир музея», 1994, № 3. с. 8-19.

М.Б. Гнедовский, Н.А. Никишин. Путь к Священной земле. (Наброски концепции музея «Торум Маа»). // «Югра», 1994, № 6-8.

Музей под открытым небом в современных условиях. Материалы Международной научно-практической конференции. Архангельск, 1995. (Включены доклады Л.А. Бострем, О.Г. Севан, В.А. Крохина, И.Б. Пуришева, Ю.Г. Самойлова).

В. Терентьева. Шушенское. 1995 // «Мир музея», 1995, № 1, с. 8-15.

Л.Е. Красноречьев. Исследование и реставрация памятников деревянного зодчества. По опыту работ в Новгородской области. -СПб., 1999.

SUMMARY

About this Book and its Author

Open air museums based on traditional wooden buildings became quite common in Russia in the second half of the 20 c. The historic and cultural value of these museums grows with time, as the buildings they preserve become rarer. The reasons for the decline of traditional wooden architecture are manifold: social changes in the country, a diminishing supply of quality timber, the introduction of new construction technologies that exclude hand labour and thus make the profession of a carpenter redundant, and, last but not least, destructive factors such as the natural process of the aging of wooden constructions, fires, etc. As a result, in the second half of the 20 c., an important layer of traditional culture has been gradually passing into oblivion.

How should we preserve the buildings that still remain, if it is impossible to adapt them to new conditions? Should they be conserved only *in situ*, or is it possible to move them to a new location? The first open air museums were created in Russia to the accompaniment of debates between the advocates and the opponents of the "process of relocation". As a practitioner of conservation, Boris Gnedovsky considered the dilemma irrelevant: he considered that while we may want to preserve a valuable or rare building *in situ*, if the conditions were unsafe there, then it must be moved to a safer place. And the safest of all places would be an open air museum where the building was well maintained and at the same time accessible to the public. In this book we can hear the echo of those debates, which is a characteristic feature of the history of the first Russian open air museums.

75 years ago a wooden building was first moved to a museum in this country (Kolomenskoye, 1927). 50 years ago the first open air museum was established in Russia (Kizhi, 1951). Many excellent researchers, such as P.D. Baranovsky, I.V. Makovetsky,

A.V. Opolovnikov, E.A. Aschepkov, A.P. Okladnikov took part in conceiving the idea of an open air museum of Russian traditional wooden architecture. But to develop a real museum, an architect was required. Boris Gnedovsky happily combined the qualities of a trained architect and an experienced specialist in research and conservation.¹

Many of the buildings he had originally conserved were later included in open air museums. He actively participated in the organization of the first museums of this type, and took the leading role in creating two major open air museums of the later period: the ones in Arkhangelsk and in Shushenskoye.

This book was written 15 years ago and has been never published before. It is dedicated to the 12 oldest open air museums in Russia. Originally, it was conceived as a popular edition, as an illustrated photo album. But behind its easy form, there is the profound experience of the author, the years of thinking and practical work in the field of conservation of vernacular wooden architecture.

Within the limited possibilities of the present edition, the original photographs of the buildings in the museums, landscape, or of their interiors, could not be included. Thus, each visual image of the museums' environment and the atmosphere they create can not be fully conveyed. However, many guidebooks or leaflets on particular museums have been published since this text was written, and many of those museums now have their home pages on the Internet. Here, only brief descriptions of each museum's structure and the most valuable buildings preserved in them are given, which makes it possible to compare them, and to trace the history of the development of the open air museums network in Russia.

Ella Dobrovolskaya

¹ See E.D. Dobrovolskaya. The Work of Boris Gnedovsky in the Conservation and Restoration of Russian Vernacular Wooden Architecture. 1947 - 1988. Moscow 2000.

These [open air] museums must not become exhausting or boring. They must not be perceived as museum dungeons where numerous objects, separated from life and, as if deadened, are imprisoned. Here, life and theatre, creative spirit and reality, man and nature, education and entertainment – are linked to each other so closely that the very borderline separating these notions becomes obscure and irrelevant.

N. Romanov, 1919

A Brief History of the Oldest Russian Open Air Museums of Vernacular Architecture and Traditional Lifestyle

Open air museums, sometimes also called "scansens" - after the first major museum of this kind opened near Stockholm back in 1891, - have become a common feature in contemporary culture. There are hundreds of museums of this kind in the world today. In Russia, the first attempts to move traditional wooden buildings in order to include them into open air exhibitions are dated from the 1920s. But only in the 1950s - 1970s, after the creation of the first open air museum of vernacular wooden architecture in Kizhi, were museums of this type established in many regions, from North-West Russia to Eastern Siberia. The easternmost one is located in the town of Milkovo in Kamchatka.

Open air museums are widespread in Russia because of the diversity of the historic, natural, and cultural conditions found in this large country. They represent a variety of ethnic traditions, yet the majority are based on the regional versions of Russian wooden architecture.

Since ancient times, Russian vernacular architecture was part of a great «wooden civilization». Various instruments, household equipment, means of transportation, furniture, crockery were made of wood; birch-bark was used to write upon; statues of gods were carved in wood; houses, tem-

ples, household and industrial buildings were all constructed in wood. The organic character of vernacular architecture was generally defined by the unity of the client, the architect, and the craftsman which developed from the outset. Most buildings in the countryside were created by the peasants themselves. More important and complex constructions like fortresses, bridges, big parish churches were built by carpenters of peasant origin. Such craftsmanship was highly valued in society.

Russian carpenters were well aware of the technological and aesthetic properties of wood. The universal module on which all wooden constructions were based, was a framework, rectangular or polygonal, its dimensions limited by the length of a log. The framework defined the lay-out of any building, from the simple one-room houses or barns to the complex churches or palaces in which numerous frameworks of different dimensions were used.

Russian carpenters developed a system of optical corrections, very much like those used by the creators of classical works of architecture. They included a slight curvature of the high pitches of a roof that allowed them to improve the silhouette of a building, which would otherwise be too rigid; or the roundish inner lines of doorways and windows; or a slightly lifted, «sail-like» ceiling that created an illusion of an increased height of a room. One of their inventions was *lemekh*, aspen plates of a high durability and aesthetic qualities, that were used, as tiles, to cover the roofs.

Roofs of the buildings were especially sophisticated. Using quite a limited set of devices, the carpenters achieved a great variety of forms. There were gable roofs bearing a famous *konek* at their tops: placid low ones, dramatic high «wedged» ones, or curved roundish bulging ones, the so called «barrels»; hipped roofs; stepped roofs; onion-like (*kubovatyje*) roofs; and, last but not least, roofs crowned with many cupolas - like

the one of the famous Church of the Transfiguration at Kizhi.

Silhouettes of the modest houses and large estates, communal buildings and fortresses, small chapels and grand churches added a lot to the landscape of which they formed an organic part. On the other hand, they were themselves a part of nature: a dry, resonant log which recently had been a tree, would become a house the next day. The works of folk carpenters that had been a part of life only a couple of generations back, can now be introduced to contemporary culture only through open air museums.

But what about the harmony of landscape and architecture if a building is moved to another place to become part of a museum display? There is no doubt that if we preserve the building *in situ*, this would protect us from the many dangers that might occur as a result of moving it to a new location. At the same time, the original environment of a building does not necessarily remain unchanged nowadays: landscapes undergo dramatic changes; the rural idyll is replaced by an industrial view; old buildings might be flooded where hydro-electric power-stations are constructed; some villages are emptied and, for miles around, there is not a living soul to take care of the buildings. Considering all the pros and cons of moving of valuable buildings to new locations, we must keep in mind that neither is it a contemporary idea, nor does it necessarily imply violation of the monuments. Framework wooden buildings have always been perceived as mobile and were conducive to transportation. There were special fairs (*shchepnyje bazary*) in Russia in the old days, where one could buy a framework for a house, a barn, and even a chapel. There were situations where large wooden fortresses, for instance those in Guriev or in Svijazhsk, were assembled quite far away from the places where all their elements had been prepared. We know plenty of documents stating that this or that build-

ing was moved to a new location: when a community decided to build a new and better church, the old one was sold to another village; when a regiment changed its station, the regimental church went along with it, etc. Many buildings that are found in open air museums now, are known to have changed their locations more than once in the past.

The crucial issue is what the surroundings of the building would be like at the new location. The landscape, the forests, the copses, the fields, the lakes, the river, etc. - all these natural elements of an open air museum should create an image reminiscent of the original location of the building. In some museums the buildings stand apart from each other so that the visitor might get a better view of each one of them. They don't interfere much with each other but, at the same time, there are no visible links between them. This is a type of a park-museum of which Kolomenskoye may serve an example. Another and quite different type is the museum-village where whole estates including the household buildings are located in close proximity with the churches and other communal objects to reproduce the real spatial relationships found in a particular region or locality. In such cases, beside the natural landscape, the cultural environment typical for the region is recreated: gardens, ploughed fields, pastures, bee-gardens, etc. In Russia, quite a number of such model villages have been created. Sometimes one museum has several areas, visually separated from each other, that represent different regional types of communities. Thus, in Kizhi Museum, there are areas for Russian and for Karelian buildings. In the museums of Buriatia and Irkutsk Region, the Even, the Buriat, and the Russian types of settlements are shown separately.

Although originally many open air museums were created as museums of vernacular architecture, later they have usually developed well beyond this concept. As

large-scale displays of traditional rural life, they become ethnological museums. Having included in their structure large parts of the natural environment, they demonstrate affinity with the environment itself. Attention paid by them to traditional agricultural technology, make them close to agricultural museums. Showing interest in particular historic contents characteristic to a certain place, they turn into historical or museums to commemorate the past. Thanks to this inter-relationship, open air museums can and do develop according to quite diverse scenarios. They preserve not only buildings but also living traditions. They become easily converted into centres of traditional arts and craftsmanship, be it pottery, weaving, or blacksmithing. Here festivals are held and traditional holidays celebrated. In other words, contemporary open air museums may be viewed as environmental or eco-museums, in the widest sense of the word.

This book tells about the 12 oldest and most representative open air museums: the

earliest collection of traditional wooden buildings moved to Kolomenskoye Museum in Moscow back in the 1920s (I); the most well-known Russian open air museum on Kizhi Island in the Onega Lake, created around famous masterpieces of wooden architecture: Churches of the Transfiguration (1714) and of the Veil of the Virgin (1764) with their multiple domes (II); the most large-scale to date collection of wooden buildings of the Russian North in Arkhangelsk (III); museums in Novgorod the Great, Kostroma, Nizhni Novgorod and Suzdal, where the features of traditional wooden architecture and carpentry of the four regions of the European part of Russia are displayed (IV, V, VI, VII); the museum of wooden architecture that also includes industrial buildings, in the Perm Region (VIII); three open air museums of architecture and ethnology in Eastern Siberia (IX, X, XI); and Shushenskoye Museum Preserve where, in order to commemorate the past, a 19 c. Siberian village was fully restored (XII).

Содержание

О книге и ее авторе. Э.Д. Добровольская	5
СТАРЕЙШИЕ РОССИЙСКИЕ МУЗЕИ НАРОДНОГО ЗОДЧЕСТВА И БЫТА (карта-схема)	7
МУЗЕИ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	8
I. Памятники деревянного зодчества на территории музея-заповедника «Коломенское» (Москва)	24
II. Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи»	27
III. Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы»	32
IV. Новгородский музей деревянного зодчества «Витославлицы»	36
V. Музей народной архитектуры и быта в Костроме	40
VI. Музей архитектуры и быта народов Нижегородского Поволжья ...	43
VII. Музей деревянного зодчества и крестьянского быта в Суздале	46
VIII. Пермский архитектурно-этнографический музей «Хохловка»	48
IX. Иркутский архитектурно-этнографический музей «Тальцы»	51
X. Этнографический музей народов Забайкалья в Улан-Удэ	54
XI. Архитектурно-этнографический музей «Ангарская деревня» в Братске	58
XII. Государственный историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское»	60
Перечень основной литературы и архивных материалов	64
Summary. About this Book and its Author	65
A Brief History of the Oldest Russian Open Air Museums of Vernacular Architecture and Traditional Lifestyle	66

На 1-й с. обложки:

Церковь Спаса Преображения села Янидор. 1702. Проект реставрации. Западный фасад. 1958. Арх. Б.В. Гнедовский. Памятник перевезен в Пермский архитектурно-этнографический музей «Хохловка» в 1968 г.

На 4-й с. обложки:

Дом Салтыкова из деревни Кошелево. Триада окон уличного фасада. I половина XIX в. Памятник перевезен в Музей архитектуры и быта народов Нижегородского Поволжья в 1972 г.

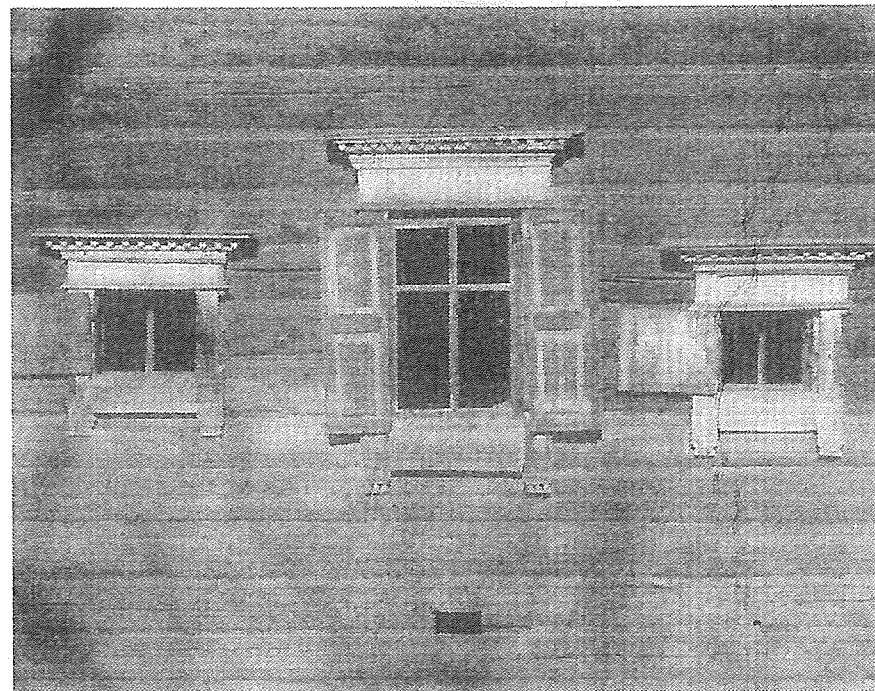
Фото на с. 9 – 23: Б. Гнедовского, А. Кувыркина, В. Савика, И. Шургина.

Издательство «Пробел-2000».
Лицензия ИД № 04356 от 23.03.2001

Подписано в печать 11.12.2001. Формат 60 x 84/8. XXX п.л. Тираж 150 экз.
Зак. 68. Отпечатано в «Омни-принт». 103030, Москва, ул.Новослободская, 31.

В нашем понимании музеи под открытым небом это прежде всего музеи архитектуры, которые образуют прекрасную среду для организации пространства многогранных проявлений духовной и материальной народной культуры. В ансамбле произведений крестьянских зодчих, резчиков, художников, а также предметов прикладного искусства – бытовой и хозяйственной утвари – роль зодчества особенно весома. Оно ведет заглавную тему музея, отнюдь не подавляя и не заглушая другие его голоса.

Б. Гнедовский, 1977

We see open air museums as, first of all, museums of architecture, which create a perfect environment for other displays of vernacular culture. When you get together a group of folk carpenters, carvers, icon-painters, potters, tailors, and others who made objects used in daily life, the architecture surrounding them is a dominant characteristic. In life as well as in a museum, the architecture of the buildings they inhabit enriches their lives and they become part of the architecture and a wholesomeness is achieved.

Boris Gnedovsky, 1977